

ПИСЬМА ИЗ ЗАВТРАШНЕЙ ЗИМЫ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Письма из завтрашней зимы

«Автор»

2026

Северский А.

Письма из завтрашней зимы / А. Северский — «Автор», 2026

Зимой 1997 года северный Ветловск готовят к закрытию: шахта остановлена, дома остывают, жителей вывозят по ненадёжному зимнику. Архивистка Ирина Ладога пытается сохранить документы и дом покойного отца — и находит письмо, написанное будто бы её будущей рукой. Следом такие письма получают другие жители. Они предупреждают об авариях, требуют уехать или остаться и обещают несовместимые варианты будущего. Но каждое сбывшееся предсказание меняют сами люди, которые его прочли. А возможность подделки оказывается не менее реальной, чем невозможные почтовые штемпели. Чтобы провести посёлок через последнюю зиму, Ирине придётся отделить помощь от власти, память — от удобной легенды, а собственный выбор — от страха исполнить написанное. Можно ли спасти человека, лишив его права решать? И что останется от будущего, если перестать считать его приказом?

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последняя опись	7
Глава 2. Чужая дата	13
Глава 3. Дом Ладоги	20
Глава 4. Письмо кочегару	27
Глава 5. Южный билет	35
Глава 6. Девятое число	44
Глава 7. Комната без окна	53
Глава 8. Правило чтения	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Северский

Письма из завтрашней зимы

От автора

Посёлок исчезает не тогда, когда его название снимают с карты. Сначала закрывается предприятие, ради которого к реке или шахте когда-то провели дорогу. Потом расписание становится короче, знакомые окна гаснут по одному, а привычные вещи получают второе назначение: школа превращается в пункт сбора, клуб — в склад, семейный дом — в количество квадратных метров для обмена. Наконец остаётся несколько человек, которые ещё говорят «у нас», хотя уже знают адреса, где им предстоит говорить «теперь».

Эта книга начинается в такой промежуток — после решения о закрытии, но до последнего отъезда. Её герои живут не среди отвлечённых символов утраты, а среди котлов, ведомостей, билетов, замёрзших дорог и коробок с документами. У каждого есть причины уехать или остаться, и ни одна из этих причин не делает человека нравственно выше другого. Иногда сохранение похоже на верность, иногда — на страх. Иногда отъезд кажется спасением, иногда — отказом от долга. Чаще всего одно неотделимо от другого.

В Ветловск приходят письма с датами, которые ещё не наступили. Они написаны знакомыми руками и знают то, чего будто бы не могут знать. Но это не книга с инструкцией по обращению с будущим. Письмо, даже самое убедительное, остаётся чьими-то словами на бумаге. Его можно прочесть, спрятать, исполнить, нарушить, подделать или понять слишком поздно. И любое из этих действий меняет настоящее раньше, чем наступит обещанная дата.

Меня интересовал не ответ на вопрос, откуда взялись конверты. Гораздо важнее другое: почему собственный почерк убеждает сильнее чужого приказа? Становится ли совет справедливым только потому, что его будто бы даёт наша более опытная версия? И кто отвечает за решение, принятое сегодня, если завтра так и не наступило в обещанном виде?

Память тоже разговаривает с нами собственным голосом. Она подсказывает, какими были родители, почему мы остались, чего не успели сказать и какую жизнь обязаны продолжить. Но семейный архив не нейтрален. В нём сохраняется то, что кто-то счёл достойным папки, подписи и места на полке. За пределами описи остаются люди, неудобные поступки и варианты событий, не поддерживающие выбранный рассказ. Поэтому работа с прошлым требует той же осторожности, что и чтение письма из будущего: услышать — не значит подчиниться, сохранить — не значит оправдать.

Зима в романе не испытывает людей ради красивой суровости. Она просто делает последствия быстрее. Неподписанное решение превращается в холодный дом. Задержанная машина означает отсутствие лекарств. Пустая строка в документе лишает семью места в автобусе. Там, где расстояние измеряют не километрами, а возможностью проехать, нравственный выбор почти всегда оказывается ещё и хозяйственным. Он требует не только чувства, но списка, топлива, времени и человека, который назовёт своё имя под обещанием.

«Письма из завтрашней зимы» — роман о взрослении, которое не заканчивается в юности. Взрослеют здесь мать и дочь, чиновник и архивистка, остающиеся и уезжающие. Им приходится отделить любовь от права распоряжаться близким, верность месту — от обязанности погибнуть вместе с ним, а надежду — от уверенности, будто будущее уже выбрало за них.

Читать эту историю можно как реалистический рассказ о закрытии северного посёлка. Можно — как роман о невозможном почтовом сообщении. Обе дороги оставлены открытыми намеренно. Неопределённость здесь не загадка, для которой в конце припрятан ключ, а часть ответственности героев. Им нужно действовать до того, как происхождение писем будет дока-

зано. В этом их положение мало отличается от нашего: самые важные решения редко приходят после полной описи фактов.

Будущее умеет казаться воспоминанием, особенно когда мы очень хотим избежать вины. Но оно не свидетель и не судья. Пока письмо лежит в руках нынешнего человека, поступок всё ещё принадлежит ему.

Глава 1. Последняя опись

К полуночи архив начал остывать с углов.

Сначала побелело стекло в форточке, потом иней затянул нижний край рамы и добрался до металлического шкафа, где хранились личные дела умерших шахтёров. Ирина Ладога придвинула к столу второй обогреватель, но включать не стала. Провод у него грелся сильнее спирали, а дежурный электрик ещё днём сказал, что до понедельника менять розетку некому.

На стене над дверью висел список того, что комиссия разрешала вывезти: приказы по личному составу, книги начисления зарплаты, акты о несчастных случаях, планы горных работ, журналы вентиляции. Напротив каждого пункта Руднев поставил красную галочку. Всё остальное предлагалось уничтожить на месте после составления акта.

Слово «остальное» занимало в подвале три комнаты.

Ирина сняла варежку и провела пальцем по корешкам папок. «Жилищная комиссия, 1979». «Детский сад № 2, питание». «Заявления на северную надбавку». «Переписка с речным портом». В этих бумагах не было государственной тайны и почти не было денег. Там оставались просьбы выдать вдове уголь, разрешить поставить сарай, простить опоздание автобуса, перевести ребёнка в тёплую группу. Люди писали, когда им нужно было заставить учреждение заметить их жизнь. Теперь учреждение закрывалось и могло позволить себе забыть.

Она поставила на крышку коробки номер семьдесят четыре и внесла в тетрадь: «Протоколы профкома, 1986–1988, сто сорок три листа». Карандаш царапнул бумагу и сломался.

Наверху хлопнула дверь. По лестнице спустились тяжёлые шаги, не торопливые, но такие, которым уступают проход заранее. Семён Руднев появился в проёме в расстёгнутом полушубке. На плечах у него таял снег. Он остановился у порога и посмотрел не на Ирину, а на коробки, будто проверял, не размножились ли они за время его отсутствия.

— Вы ещё здесь.

— Опись сама не допишется.

— Я думал, после разговора вы поняли.

Он вынул из внутреннего кармана сложенный лист и положил поверх её тетради. Приказ был отпечатан на машинке ликвидационной комиссии; последняя строка дописана от руки: «Передать отобранные документы к погрузке не позднее 18:00 девятого декабря». Под ней стояла подпись Руднева.

— Сегодня седьмое, — сказала Ирина.

— Уже восьмое.

Она посмотрела на часы. Было двенадцать минут первого.

— Значит, двое суток без двенадцати минут.

— Ирина Михайловна, машины пойдут по зимнику десятого утром. Потом обещают метель. Если не успеем, архив останется до весны, а весной здесь некому будет его охранять.

— Две машины на весь посёлок — это не вывоз архива. Это выбор оправданий для тех, кто не взял третью.

Руднев взял со стола сломанный карандаш, соединил половинки и положил рядом. Ему было пятьдесят с небольшим, но в помещении он всегда казался старше: седина, тяжёлые веки, складка возле рта. На улице лицо у него оживало от ветра, здесь же становилось лицом человека, который давно дышит пылью чужих решений.

— Третьей нет, — сказал он. — Одна везёт оборудование из амбулатории, вторая — людей и документы. Вы можете спорить со мной до утра, но кузов от этого не вырастет.

— В приказе министерства архив указан отдельно.

— В приказе много чего указано отдельно. Топливо к нему не приложили.

Он прошёл между стеллажами. Под сапогом хрустнула скрепка. Руднев наклонился, поднял её и зачем-то положил на край стола.

— Оставьте обязательное хранение. Остальное по акту. У вас сорок два часа.

— Сорок один час сорок восемь минут.

— Тем более.

— А поселковый архив?

— Что именно?

— Домовые книги. Протоколы исполкома. Проекты школы и котельной. Фотографии строительства. Материалы прежнего выселения.

Руднев не сразу ответил. В комнате щёлкнул термостат единственного работающего обогревателя, спираль погасла, и стало слышно, как в трубах проходит воздух.

— Домовые книги возьмите, — сказал он. — Остальное по остаточному месту.

— Остаточного места не бывает. Бывает место, которое кому-то оставили.

— Тогда оставьте его людям. У нас тридцать семь семей ещё не сдали жильё, одиннадцать не получили контейнеры. В школьном спортзале лежат вещи тех, кому некуда их отправлять. Я сегодня три часа искал бензин для автобуса. А вы хотите везти ведомости кружка кройки и шитья.

— Я хочу сама решить, что в этих коробках ведомости, а что единственный след.

Он посмотрел на неё устало, без злости.

— Вот и решите. За двое суток.

Ирина ждала угрозы, распоряжения отдать ключи или хотя бы привычной фразы о дисциплине. Но Руднев лишь застегнул полушубок.

— Девятого в шесть я опечатаю подвал, — сказал он. — Всё, что будет стоять у двери с номерами в ведомости, погрузим. Всё, что останется на полках, войдёт в акт уничтожения. Подпись вашу не требую.

— Очень великодушно.

— Нет. Просто подписи председателя комиссии достаточно.

На лестнице он обернулся.

— Идите домой хотя бы на четыре часа. Лиза одна.

— Лизе пятнадцать.

— В пятнадцать тоже замечают, когда мать выбирает папки.

Дверь наверху закрылась. Ирина ещё несколько секунд смотрела в пустой проём, потом сняла со стены список и положила его под тетрадь, чтобы не видеть красных галочек.

Она не выбирала папки вместо дочери. Она выбирала возможность когда-нибудь объяснить дочери, почему их дом стоял именно здесь, почему дед не уехал после первой аварии, почему улица называлась Речной, хотя до реки было четыре километра. Но объяснение, сформулированное вслух, прозвучало бы хуже обвинения. Лиза собирала книги в ящики одна. На кухне уже две недели стоял чемодан, куда она складывала вещи для первой дороги. Ирина каждый вечер обещала, что завтра они вместе решат, что брать.

Она развернула ведомость и стала считать объём заново.

К часу ночи выяснилось, что даже обязательные дела займут больше места, чем отвела комиссия. К двум — что часть коробок отсырела у внешней стены и документы придётся перекладывать. В половине третьего в верхнем коридоре погас свет. Ирина поднялась к щитку, включила автомат и вернулась с фонарём на шее.

Архив располагался в бывшей конторе шахты. После закрытия управления сюда свезли документы поселкового совета, почты и двух расформированных участков. Комнаты соединялись узким коридором, в котором коробки стояли до потолка. В дальнем конце была сортировочная — маленькое помещение с деревянными ячейками на стене. Когда-то там разбирали внутреннюю почту шахты: наряды, больничные, письма из района, посылочные извещения.

Последние пять лет комнату не открывали. Ключ потерялся ещё при прежнем заведующем, и дверь подпирали пустым шкафом.

В три часа Ирина решила, что шкаф тоже считается объёмом.

Он был выше неё и гораздо тяжелее, чем казался. Ирина вынула ящики, сняла дверцы, подложила под ножки две картонные папки, которые всё равно шли на списание, и стала двигать по сантиметру. Шкаф сопротивлялся беззвучно. На третьем рывке одна из папок лопнула, пол посыпали отчёты об использовании красных уголков за 1964 год. Ирина села на корточки, собрала листы и неожиданно рассмеялась. Звук получился чужой и короткий.

— Вот вы-то и победили, — сказала она отчётам.

За шкафом обнаружилась не дверь, а ещё один стеллаж, поставленный поперёк прохода. На нём лежали мешок с сургучной plombой, пачка бланков и почтовые весы без чаши. Ирина посветила фонарём. На верхней ячейке мелом было написано: «Невручëнное».

Мешок оказался пустым на вид, но, когда она потянула его за угол, внутри что-то съехало и мягко ударилось о пол. Пломба была старая, с вытертым двуглавым знаком почтового ведомства. Шпагат задубел. На холсте химическим карандашом значилось: «Ветловск, возврат, 12 ед.». Ни года, ни номера рейса.

Ирина перенесла мешок на стол. По правилам невручëнные письма следовало возвращать отправителю, а при невозможности — передавать в районный узел для хранения и вскрытия комиссией. В архиве им было нечего делать. Она проверила журналы поступлений за последние десять лет, потом за предыдущие пять. Мешка в них не было.

Пломбу она не тронула. Сначала составила акт обнаружения, указала время — 03:27, место, состояние упаковки. В графе «присутствовали» поставила прочерк. Потом долго смотрела на него. Акт, составленный одним человеком, был почти таким же одиночеством, как разговор вслух.

Она позвонила на почту. Телефон дал два длинных гудка, щёлкнул и замолчал. Георгий Мельников, временно исполнявший обязанности начальника, ночевал в комнате отдыха, когда ждали машину по зимнику, но сегодня почтового рейса не было. Ирина набрала ещё раз. Без ответа.

В мешке оказалось не двенадцать писем, как значилось на холсте, а одно.

Она поняла это, ощутив ткань. Конверт был плотный, большой, лежал поперёк дна. Остальное пространство занимала пустота, которую когда-то опечатали наравне с содержимым.

Ирина отнесла мешок под лампу. Сургуч был тёмно-коричневый, края пломбы в трещинах, шпагат цел. Но узел выглядел странно: его затянули поверх старого следа, оставленного на горловине. Мешок открывали и запечатали снова — возможно, много лет назад, а возможно, недавно старым сургучом.

На лестнице что-то стукнуло.

Ирина погасила настольную лампу. В темноте сразу проступил зелёный глазок обогревателя. Она услышала собственное дыхание и шорох снега по подвальному окну. Стук повторился, затем по ступеням скатился кусочек льда. Наверху ветер раскачивал плохо закрытую форточку.

Она включила свет и рассердилась на себя. В Ветловске не было человека, которому понадобилось бы ночью подбрасывать архивистке письмо. Здесь вообще оставалось всё меньше людей, готовых куда-нибудь идти ночью без крайней необходимости.

Ирина записала состояние пломбы, нашла нож и перерезала шпагат так, чтобы сохранить узел. В акт добавила: «Вскрыто в связи с угрозой утраты при ликвидации помещения и невозможностью вызвать представителя почты». Формулировка была слабая. Районный архив вернул бы такой акт на доработку. Но районный архив находился в семистах километрах, а через сорок часов подвал запирали.

Конверт был серый, из рыхлой бумаги, какие продавались на почте ещё прошлой зимой. На лицевой стороне крупными буквами написано:

ВЕТЛОВСК. ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ЛАДОГЕ. ЛИЧНО.

Обратного адреса не было.

Почерк она узнала до того, как позволила себе прочесть фамилию.

Так она писала в студенческие годы — с сильным наклоном вправо, с короткой перекадиной у «т», с заглавной «Л», похожей на крышу их дома. После рождения Лизы буквы стали мельче. В последние годы она писала печатно, чтобы в описях не путали семёрку с единицей. Но старый почерк не исчез. Он лежал в коробке с институтскими конспектами, в открытках отцу, в записке на обороте фотографии: «Вернусь к августу, не отдавай мои книги».

На штемпеле стояло: «ВЕТЛОВСК. 17.03.98».

До семнадцатого марта оставалось сто дней.

Ирина положила конверт на стол и отступила, словно расстояние могло вернуть ему обычность. Первой мыслью было: Лиза. Дочь знала её почерк, могла срисовать. Второй — Георгий, который имел доступ к штемпелям и любил нелепые розыгрыши, хотя никогда не шутил с чужой почтой. Третьей — Руднев. Но председателю комиссии не требовалось устраивать спектакль, чтобы заставить её принять решение. У него был приказ.

Она осмотрела штемпель через лупу. Краска легла неровно; в нижней дуге две буквы слиплись. Такой след оставлял старый ручной датер, стоявший на почте до замены в девяносто пятом. Его должны были списать. Ирина сама подписывала акт передачи металлических частей в хозяйственный склад.

Конверт был заклеен полоской канцелярского клея. Под клапаном проступило бурое пятно, похожее на след от пальца. Ирина не стала искать собственный отпечаток: в архиве не было ни порошка, ни человека, которому она смогла бы объяснить такую проверку без стыда.

Она вскрыла конверт ножом вдоль верхнего края.

Внутри лежал один лист в клетку, вырванный из школьной тетради.

«Ира,

если это дошло до тебя до отъезда, значит, я всё-таки вспомнила, куда положить мешок.

Не отдавай дом, пока не найдёшь комнату без окна. Не потому, что дом важнее Лизы. Как раз наоборот. В комнате осталось то, из-за чего ты до сих пор думаешь, будто отец просил тебя остаться. Он просил сохранить не стены.

Руднев даст тебе двое суток. Не спорь о третьих — их не будет.

И никому пока не показывай это письмо. Особенно Лизе. Она должна уехать не потому, что ты велела, и не потому, что я велю теперь.

Если ты останешься этой ночью, возьми из шкафа домовую книгу за семьдесят восьмой год. На странице сто двенадцать есть фамилия, которой нет в нынешней описи.

Я не помню, спасло ли это нас. Наверное, поэтому и пишу.

Ирина».

Подпись была её — не похожая, а именно её: длинная первая черта, затем сбившиеся в тесноту буквы и точка, которую она ставила после имени только в записках самой себе.

Ирина перечитала письмо трижды. После второго раза заметила, что лист пахнет дымом. После третьего — что фраза о Рудневе уже исполнилась. Это доказывало не будущее, а лишь осведомлённость отправителя. Срок председатель мог обсуждать с кем-то заранее. Про комнату без окна мог знать отец, а после его смерти — любой, кто разбирал дом. О Лизе знали все.

Но мешок лежал за шкафом в запертой комнате.

Она заставила себя действовать так, как действовала бы с анонимным документом. Пронумеровала лист и конверт простым карандашом. Описала бумагу, чернила, штемпель. Сняла размеры. Переписала текст в рабочую тетрадь, не исправляя пунктуацию. Затем остановилась перед графой «фонд».

Документ без происхождения нельзя было включить в государственное хранение. Письмо, адресованное лично ей, не обязано было входить в архив. Его следовало передать почте вместе с мешком и актом вскрытия.

Она сложила лист по старым сгибам и вернула в конверт.

На столе лежал приказ Руднева. Сорок один час. Две машины. Красные галочки. И письмо, которое знали всё это до того, как было написано — или было написано кем-то, кто хотел, чтобы она так подумала.

Ирина подошла к окну. На уровне её глаз находился снег, спрессованный у стены. За ним виднелась только верхняя половина двора: фонарь, чёрные провода, край забора. Свет в окнах бывшего управления давно погас. Дальше, за невидимыми домами, работала котельная, и низкий гул проходил по земле.

Дом отца стоял на улице Геологов. Два окна выходили к сопке, два — к пустырю. Комнаты без окна там не было. Она знала каждый чулан, каждый простенок, каждую доску, которая зимой поднималась возле печи. После похорон Ирина перебрала его вещи, но ничего похожего на тайник не нашла.

И всё же в письме было сказано «найдёшь», а не «вспомнишь».

Она вернулась к стеллажам и нашла домовую книгу за 1978 год. Переплёт разбух, тесёмки завязывались с трудом. На странице сто двенадцать шёл дом № 4 по улице Рудничной. Восемь фамилий были вписаны синими чернилами, девятая строка зачёркнута. Под косой чертой угадывалось: «Ладога Михаил Степанович», её отец. Адрес рядом был другой — барак № 6, комната 14.

Такого адреса Ирина не помнила. Отец говорил, что после армии сразу поселился на Геологов. В нынешней электронной описи его фамилия впервые появлялась в 1981 году, уже в собственном доме.

Она перелистнула книгу. Между страницами лежал узкий ключ на выцветшей синей нитке. К нему была привязана картонная бирка: «ФЛ».

Фотолаборатория.

Ирина знала, что под домом отец держал холодный погреб. Знала, что в сарае стоял увеличитель, которым он давно не пользовался. Но ни разу не слышала о фотолаборатории. В архивном плане дома значились кухня, две комнаты, сени и кладовая. Все с окнами, кроме кладовой. Однако кладовую она открывала сотни раз: узкая, заставленная банками, без второго выхода.

Она сжала ключ в ладони. Металл быстро согрелся.

Здравый порядок действий был очевиден: позвонить Георгию утром, передать письмо и мешок; сообщить Рудневу о находке неучтённых документов; после смены пойти домой, разбудить Лизу и вместе проверить кладовую. Но порядок уже нарушился в ту минуту, когда она разрешила шпагат без свидетеля. Каждый следующий правильный шаг начинался с признания предыдущего нарушения.

Телефон зазвонил резко, на половине первого гудка. Ирина вздрогнула и сняла трубку.

— Мам?

Голос Лизы был сонный и сердитый.

— Я здесь.

— Я знаю, где ты. Ты обещала прийти до двенадцати.

— Руднев принёс приказ. Мне дали двое суток.

— Тебе всегда что-нибудь дают вместо дома.

Ирина посмотрела на письмо.

— Ты одна?

— Нет, у нас полный дом людей. Дед, например. Сидит на кухне и помогает тебе не выбрасывать его рубашки.

— Лиза.

— Я закрыла дверь. Обогреватель включила. Не волнуйся.

— Не ставь его возле штор.

— Я знаю.

Молчание в линии потрескивало.

— Ты придёшь? — спросила Лиза уже без насмешки.

Ирина могла сказать «через час». Могла закрыть тетрадь, спрятать письмо в сейф и подняться на улицу. До дома было двенадцать минут быстрым шагом. Они бы выпили чай, сложили книги, утром вместе открыли кладовую. Так поступила бы мать, которая не подменяет заботу хранением.

Но тогда из сорока одного часа осталось бы тридцать пять. Никто не перебрал бы сырой стеллаж. Машина ушла бы без домовых книг или без актов шахты. А письмо — кем бы оно ни было написано — просило остаться именно этой ночью.

— Мне нужно закончить один ряд, — сказала Ирина. — Я вернусь утром.

Лиза ничего не ответила.

— Слышишь?

— Слышу.

— Запри кухонную дверь на крючок. И ложись.

— Я уже легла.

Связь оборвалась.

Ирина держала трубку, пока не появился ровный гудок. Руднев оказался прав: в пятнадцать замечают, когда мать выбирает папки. Письмо тоже оказалось право, хотя ничего ещё не предсказало. Лиза должна была уехать не по её приказу. Но Ирина только что снова распорядилась дочерью на расстоянии: запри, ложись, жди.

Она положила письмо в чистую папку, папку — в нижний ящик стола. Акт обнаружения разорвала пополам, сразу устыдилась этого движения и спрятала обе половины туда же. Мешок сложила и убрала за бухгалтерские книги. В журнале поступлений не сделала записи.

Это было первое сознательное изъятие документа за все тринадцать лет её работы.

Ирина заперла ящик. Ключ от фотолаборатории оставила на синей нитке и надела на шею под свитер. Холодный металл лёг между ключицами.

Потом она взяла новую коробку, написала на крышке «Домовые книги. Постоянное хранение» и перенесла к двери. Следом поставила протоколы исполкома, планы школы, папку с проектом котельной. Красные галочки на списке Руднева больше ничего не решали. За оставшееся время ей предстояло не спасти всё — это было невозможно, — а сделать собственный выбор и подписаться под ним, даже если подпись появится только в рабочей тетради.

К четырём утра ветер усилился. Снег бился в подвальное окно, будто снаружи кто-то перебирал пальцами стекло. Ирина работала стоя, чтобы не заснуть. Она открывала папку, читала заголовок, несколько строк, иногда одно имя, и решала: дверь или полка. Вывоз или акт. Память или тепло в машине для чьего-то чемодана.

На верхней ступеньке снова хлопнула форточка.

На этот раз Ирина не погасила свет.

Глава 2. Чужая дата

Георгий пришёл без четверти восемь, когда Ирина уже перестала различать, который раз перечитывает одну и ту же строку в ведомости.

Он принёс термос, два стакана и запах улицы — морозный воздух, табак и солярку. Снял шапку, стряхнул снег на пороге и сразу заметил отодвинутый шкаф.

— Нашла клад?

— Почтовый мешок.

— Это хуже. Клад можно оставить себе.

Ирина достала холстину из-за бухгалтерских книг. Письмо осталось в запёртом ящике. Георгий взял мешок обеими руками, расправил горловину и поднёс пломбу к свету.

— Кто резал?

— Я.

— Одна?

— Не дозвонилась до тебя.

— Потому что телефон опять умер. А ноги у тебя для описи?

Он говорил без осуждения, и это раздражало сильнее выговора.

— Через сорок часов подвал опечатывают.

— Через тридцать четыре, — поправил Георгий. — Я встретил Руднева. Он уже считает.

Ирина поставила перед ним акт, склеенный с обратной стороны прозрачной лентой. Георгий прочитал, задержался на словах «одна единица» и перевернул лист.

— Где единица?

— Личное письмо.

— Тогда почему акт служебный?

— Потому что найдено в опечатанном мешке.

— Ира, у почты есть простой способ не сойти с ума: личное мы не читаем, служебное не прячем. Покажи конверт, текст мне не нужен.

Она открыла ящик так, чтобы половинки акта остались под папкой, вынула пустой конверт и подала ему лицевой стороной вверх.

Георгий перестал улыбаться.

— Это кто написал?

— Поэтому я тебя и позвала.

Он надел очки, приблизил штемпель к лампе, затем повернул конверт на ребро.

— Наш старый датер. Или очень хорошая копия. Видишь скол у восьмёрки? В девяносто третьем Тамара уронила его на плитку. После этого восьмёрка печатала с хвостом.

— Его списали.

— Списали. Но не уничтожили при мне. Железо забрал шахтный хоздвор.

— Там теперь проходной двор.

— Как и везде.

Он нажал ногтем на краску.

— Не свежая. Но март девяносто восьмого ещё не наступил, если ты об этом.

— Я заметила.

— Штемпель выставляется рукой. Хоть две тысячи восьмой ставь.

— А мешок?

Георгий осмотрел старый узел.

— Пломба наша, шпагат мог лежать двадцать лет. Перепечатано, причём не почтовым работником. Видишь: узел должен быть внутри горловины, а здесь снаружи. Кто-то хотел, чтобы выглядело старым.

— Когда?

— Вчера или при Брежнев. По холстине не скажу.

Он вернул конверт и налил чай. Ирина не прикоснулась к стакану.

— Бумагу узнаёшь?

— Конверты такие продавали до весны. В район пришла партия, клей не держал, мы ругались. Тетрадный лист покажешь?

— Ты сказал, личное не читаем.

— Я сказал — текст не нужен.

Ирина вынула лист, закрыв ладонью исписанную сторону. Георгий посмотрел на клетки, край, водяной след в углу.

— Обычная школьная тетрадь. У Лизы такие есть. У половины посёлка есть.

— Чернила?

— Синие.

— Спасибо за экспертизу.

— За настоящей экспертизой надо в область. Три месяца и бумага с печатью, где будет написано, что чернила синие. Могу проверить растворителем, но испорчу строку.

Ирина убрала лист.

— Не надо.

Георгий сел напротив.

— Кто знал, что ты останешься ночью?

— Никто. Я сама не знала.

— Руднев знал, что даст срок?

— Конечно.

— Лиза знает твой почерк. Ключи от архива у кого?

— У меня, у сторожа и запасной в комиссии.

— Значит, не никто.

— Она не стала бы.

— Я не сказал, что стала. Я перечисляю двери.

Ирина посмотрела на его руки. Георгий работал на почте двадцать семь лет; большой палец правой руки навсегда окрасился фиолетовой штемпельной краской. Если кто и мог изготовить такую подделку, то человек напротив. Он заметил её взгляд и спрятал руку в карман.

— Можешь подозревать меня, — сказал он. — Только придумай, зачем мне загонять тебя в отцовский дом.

— Я не говорила про дом.

Между ними остался гул обогревателя.

Георгий медленно вынул руку.

— На конверте твой домашний адрес проступил через бумагу. Видно под лампой.

Он повернул конверт. На внутренней стороне действительно отпечатались слабые карандашные линии: «Геологов, 8». Ирина вчера их не заметила.

— Человек сначала написал адрес, потом стёр и оставил только имя, — сказал Георгий.
— Дом я увидел, не письмо прочитал.

Объяснение было точным и оттого не успокаивало.

— Что делать с актом?

— Если регистрируем, Руднев заберёт мешок и конверт. Может, так правильно.

— А если не регистрируем?

— Тогда я не приходил. Ты не звонила. И мы оба нарушили инструкцию, только ты — ночью, а я — после чая.

Он допил, поднялся и придвинул к стене пустой ящик.

— До девяти могу помочь с переносом. Потом открывать почту.

— Почему помогаешь?

— Потому что письма иногда доходят поздно. Но не на сто дней раньше. Хочу понять разницу.

Они работали молча. Георгий относил к двери коробки, которые Ирина помечала зелёным карандашом, и возвращал на полки красные. В половине девятого он нашёл среди книг учёта ведомость невручённых отправок за 1989 год. На последней странице значился мешок с двенадцатью письмами, переданный на возврат в район. Номер пломбы совпадал с находкой.

— Значит, оболочка настоящая, — сказал Георгий. — Только содержимое сменили.

— А двенадцать писем?

— По документам уехали. По жизни — кто знает.

Он переписал номер в свой блокнот и ушёл, забрав термос. У двери попросил не показывать конверт Рудневу до вечера. Это была первая просьба, с которой Ирина согласилась слишком легко.

Дом встретил её тишиной и запахом подгоревшей каши. На кухонном столе стояла тарелка под перевернутой кастрюлей. Лиза оставила записку: «Разогрей. Я в школе до двух. Если школу ещё не закрыли без твоей описи».

Ирина сняла пальто, но ключ «ФЛ» оставила на шее. Спать она не собиралась. До возвращения дочери можно было проверить кладовую и успеть обратно в архив.

Дом отца за три года так и не стал полностью её домом. В прихожей висела его телогрейка, в ящике лежали заточенные карандаши, под раковиной — связка крановых прокладок. Ирина пользовалась вещами, не меняя их места, словно снимала жильё у человека, который задержался в дороге.

Кладовая находилась между кухней и маленькой комнатой Лизы. Дверь открывалась обычным ключом. Внутри стояли банки, мешок картошки, лыжи и пустые чемоданы. Окон не было. Фраза из письма могла означать именно её, но замка с маркировкой «ФЛ» Ирина не нашла.

Она вынесла банки, отодвинула стеллаж и простучала стену. За досками всюду отвечало бревно. Только у пола возле дальнего угла звук стал глухим. Ирина сняла плинтус. Под ним обнаружилась щель и две шляпки шурупов, покрашенные в цвет стены.

Отец не просто прятал помещение. Он сделал так, чтобы его не нашли при беглом осмотре.

Ирина принесла отвёртку. Первый шуруп поддался, второй пришлось смачивать керосином. Панель шириной в ладонь отошла, открыв металлическую скважину. Ключ на синей нитке вошёл до конца, но не повернулся.

Она надавила сильнее. За стеной щёлкнуло, и вся секция стеллажа отступила на несколько сантиметров.

За ней была дверь.

Ирина успела только увидеть красную лампу под потолком, стол с увеличителем и полки, заставленные коробками для фотобумаги. Потом в прихожей повернулся ключ.

— Мам? — позвала Лиза. — Ты дома?

Ирина закрыла потайную дверь и придвинула панель, не завернув шурупы. На кухню она вышла с отвёрткой в руке.

Лиза стояла в пальто, с мокрыми от снега волосами. Увидев пустую кладовую, она не спросила, что произошло. Посмотрела на синюю нитку у матери на шее и сказала:

— Ты всё-таки нашла комнату без окна.

Ирина почувствовала, как отвёртка скользит в ладони.

— Откуда ты знаешь?

— Что знаю?

— Эти слова.

— Ты сама сказала утром.

— Я утром была в архиве.

Лиза нахмурилась.

— Ты позвонила. Сказала: «Нашла комнату без окна, но ничего не трогай». Я ещё спросила, о чём ты. Ты бросила трубку.

— Я не звонила.

— Конечно. Телефон сам позвонил и разговаривал твоим голосом.

Ирина подошла к аппарату. На диске серела пыль, стёртая возле цифр. Проверить исходящий звонок было невозможно.

— Во сколько?

— Около семи. Я собиралась в школу.

В семь Ирина стояла у стола напротив Георгия. Комнату она тогда ещё не нашла.

Лиза сняла шарф.

— Мам, что там?

Ирина могла ответить, что старые фотографии. Это было бы почти правдой и сохранило бы тайну письма. Но после ночного разговора любое новое распоряжение — не трогай, не спрашивай, уезжай — только подтверждало слова неизвестной будущей Ирины.

Она достала из кармана конверт.

— Сначала скажи, ты видела это раньше?

Лиза прочла адрес, коснулась мартовского штемпеля и побледнела.

— Это ты написала.

— Почерк мой. Письмо я нашла ночью.

— Что внутри?

Ирина открыла дверь кладовой.

— Теперь это наш общий вопрос.

Лиза не стала спорить. Сняла пальто, повесила его на спинку стула и первой вошла в кладовую. Ирина заметила, что дочь ступает осторожно, обходя банки и вынутые доски, словно боялась не разбить стекло, а потревожить чужой порядок. Перед потайной дверью Лиза остановилась.

— Папа это сделал?

— Дед.

— Я про него и говорю.

Ирина вставила ключ. Теперь замок повернулся легче, будто одного раза ему хватило, чтобы вспомнить хозяина. Красная лампа под потолком не горела. Ирина нашла выключатель у косяка, но вместо света ожил только вытяжной вентилятор: за стеной заскребло, потянуло пылью и уксусом.

— Не трогай коробки, — сказала она.

Лиза посмотрела на неё.

— Ты только что сказала, что вопрос общий.

— Вопрос — да. Коробки могли отсыреть.

Они вынесли на кухню настольную лампу. Удлинитель пришлось протянуть через кладовую; провод лёг поперёк порога, как черта, которую каждая переступила по своей причине. В белом свете проявились кюветы, увеличитель с потрескавшимся мехом, резак и полка химикатов. На банках отец Ирины ставил даты тем же зелёным карандашом, которым она теперь помечала архивные дела.

Последняя дата была февралём восемьдесят девятого.

Ирина сняла с полки плоскую коробку. Внутри лежали негативы, переложённые калькой. На каждой полосе — номер, фамилия, иногда название улицы. Семьи возле крылец, комнаты

перед отъездом, грузовики, перевязанные верёвкой шкафы. Не художественные снимки и не домашний альбом. Учёт.

— Он фотографировал выселение, — сказала Лиза.

— Переселение.

— Это другое слово для того же грузовика?

Ирина не ответила. Нашла конверт с надписью «Геологов, 8» и высыпала на стол полоску плёнки. Шесть кадров: фасад дома, северная стена, печная труба, кухня, кладовая, пустая спальня. На последнем кадре отец стоял в зеркале шкафа с фотоаппаратом у груди. За его плечом виднелась комиссия из трёх человек.

Лиза взяла лупу.

— Кладовая уже без окна.

— У неё никогда не было окна.

— Тогда почему в письме сказано найти комнату? Ты и так знала, где она.

— Я думала, что знала.

Ирина подвинула негатив к свету. На кадре кладовой стеллаж стоял у другой стены. Там, где теперь открывалась потайная дверь, белела ровная обшивка. Снимок был сделан до того, как отец устроил лабораторию, но после строительства дома. Значит, скрытое помещение появилось позднее и не было частью первоначального плана.

В нижнем ящике стола нашлась тетрадь расходов. Проявитель, фиксаж, фотобумага, керосин. Между февралём и мартом восемьдесят девятого отец записал двадцать семь фамилий и напротив каждой — количество кадров. Часть совпадала с фамилиями из ведомости невручённых отправок. Возле двенадцати стоял маленький знак, похожий на раскрытый конверт.

— Он знал про мешок, — сказала Лиза.

— Он мог фотографировать дома для комиссии.

— И рисовать конверты для красоты.

— Не начинай.

Лиза положила лупу. В её движении не было обиды, и это оказалось хуже: она словно отложила разговор до времени, когда мать сможет выдержать прямой ответ.

Ирина перебирала бумаги дальше. Под тетрадью лежал акт передачи фотоматериалов в районный архив. В перечне значилось двадцать семь комплектов. В правом нижнем углу стояла подпись отца, рядом — подпись секретаря комиссии. Ни печати, ни входящего номера. Через слово «переданы» синим карандашом провели линию и сверху написали: «оставлены до уточнения адресов».

Это ещё ничего не доказывало. Документ мог быть черновиком. Отец мог не сдать снимки из-за закрытого зимника. Мог оставить их, потому что семьи спорили о компенсации. Любая версия была проще письма, пришедшего на девять недель раньше собственного штемпеля.

Лиза нашла под столом деревянную кассету и вытащила из неё пакет фотобумаги.

— Здесь что-то есть.

— На свет не открывай.

— Поздно.

Она уже приподняла чёрную обёртку. Верхний лист оказался засвечен по краям, но в середине проступал серый прямоугольник. Не фотография — контактный отпечаток двух страниц. Ирина выключила настольную лампу, оставив кухонный свет за дверью, и зажгла красную. В комнате сразу стало теснее. Лицо дочери потеряло привычный цвет.

На отпечатке читались фамилии и новые адреса. Череповец, Котлас, Вологда, несколько посёлков, названия которых Ирина не знала. Напротив семьи Соловьёвых адрес был перечёрк-

нут дважды. Сбоку отец написал: «не уехали первым рейсом — ребёнок в больнице». Ниже: «дом разобран до возвращения».

— Вот зачем он всё хранил, — сказала Лиза. — Чтобы потом никто не сказал, что люди сами бросили вещи.

Ирина прочла строку ещё раз. В детстве она слышала эту историю иначе: Соловьёвы будто бы сами опоздали к отправке, а потом поселились у родственников. О том, что их дом разобрали, отец не рассказывал.

— Ограниченная улика, — сказала она, как сказала бы на работе. — Один черновой отпечаток без подписи.

— Для кого ограниченная?

— Для любого, кто захочет проверить.

— А для тебя?

Ирина вернула лист в пакет.

— Для меня тоже.

Лиза рассмеялась коротко, без веселья.

— Поэтому ты не хочешь уезжать? Здесь всё недостаточно доказано, и ты должна остаться последней, чтобы подписать правильную бумагу?

— Я хочу, чтобы у тебя был дом, куда можно вернуться.

— Мне нужен дом, из которого можно уехать вовремя.

За стеной щёлкнул холодильник. В красном свете Ирина увидела, какой взрослой стала дочь за последние месяцы: не выше и не старше, а отдельнее. Это произошло без разрешения, пока мать считала коробки, сроки и уголь.

— Первый школьный рейс идёт через три недели, — сказала Лиза. — Там общежитие при интернате. Вера Павловна сказала, места есть.

— Ты уже спрашивала?

— Да.

— За моей спиной.

— У тебя за спиной архив, комиссия и дедов дом. Для меня места не осталось.

Ирина включила обычный свет. Красная лампа погасла не сразу, её нить ещё секунду тлела в колбе.

— Никуда одна ты не поедешь.

— Тогда поеду не одна. Со школой.

— Я сказала нет.

Лиза надела пальто, не застёгивая.

— А письмо сказало тебе не отдавать дом. Почему ему можно решать за тебя, а мне за себя нельзя?

Она вышла в прихожую. Ирина догнала её у двери и схватила за рукав — не сильно, но достаточно, чтобы Лиза остановилась.

— Ты не понимаешь, что там будет.

— Ты тоже не понимаешь. Просто твоё незнание лежит в коробках и поэтому кажется важнее моего.

Дверь хлопнула. Ирина осталась с рукавицей Лизы в руке: та выскользнула из кармана. За окном дочь пересекла двор и пошла к школе, хотя занятия давно закончились. Ирина могла догнать её. Вместо этого вернулась в лабораторию и сразу поняла, что выбрала именно это.

В тетради расходов после списка семей была вырвана страница. На следующей отец записал номера трёх пломб. Первый совпадал с найденным мешком. Рядом стояла дата: «12.02.89». Ниже другим нажимом: «не отправлять до возвращения людей».

Ирина положила рядом нынешний конверт. Бумага, чернила, штемпель оставались сомнительными. Но мешок прежде уже задержали сознательно. Не тайная почта, не доказа-

тельство будущего — человеческое решение, которое кто-то мог повторить, воспользовавшись старой оболочкой.

Из прихожей донёсся телефонный звонок. Ирина успела к аппарату на четвёртом.

— Ладога? — спросил Руднев. — У тебя Георгий сегодня был?

— Почту открывал.

— Пусть завтра принесёт ведомость. И мешок не трогайте. Район прислал машину, заберём вместе с архивом.

— Ведомость за восемьдесят девятый нашлась. Мешок тогда отправили на возврат, но до района он, похоже, не дошёл.

На линии стало тихо.

— Откуда знаешь?

Ирина посмотрела на открытый проход в лабораторию.

— Из учёта.

— Какого учёта?

Она могла назвать тетрадь, фотоматериалы и акт. Тогда утром в доме появились бы люди комиссии, а комната отца превратилась бы в ещё одну позицию описи. Ирина услышала собственную паузу и поняла, что Руднев тоже её слышит.

— Почтового, — сказала она. — Покажу завтра.

— Не начинай отдельное расследование. У нас нет для этого ни времени, ни полномочий.

— У нас есть двенадцать невручённых писем и одно лишнее.

— Вот лишнее и беспокоит. В семь утра буду в архиве.

Он положил трубку.

Ирина вернулась в лабораторию, упаковала отпечаток и тетрадь в разные конверты. Один спрятала за фотобумагой, второй взяла с собой. На кухонном столе оставила Лизе записку: «Рукавица у меня. Вернись до десяти. Про рейс поговорим без крика».

Потом дописала: «Я не буду решать одна».

Последнюю фразу она перечитала дважды. Она относилась к отъезду Лизы, к дому и к письму, но пока не была правдой ни в одном из трёх случаев.

Ирина погасила свет и закрыла потайную дверь. На этот раз ключ повернулся свободно.

Глава 3. Дом Ладоги

В семь утра Руднев стоял у архивной двери с двумя членами комиссии и пустым мешком для изъятых документов. Георгий ещё не пришёл. Ирина открыла замок и впервые обрадовалась его отсутствию: ведомость лежала у неё в папке, а решение, какую её часть показывать, пока принадлежало только ей.

— Сначала почта, потом твой дом, — сказал Руднев. — К девяти освободимся.

Слово «освободимся» прозвучало так, будто дом уже был обязан исчезнуть из их общего утра.

Ирина провела комиссию в сортировочную. Мешок стоял в шкафу, опечатанный вчерашней бечёвкой. Руднев сверил номер пломбы с актом, заметил исправление в дате и поднял глаза.

— Почему акт не зарегистрирован?

— Потому что я проверяла происхождение.

— Ночью?

— Работа была ночью.

Она положила на стол ведомость невручённых отправок. Руднев прочёл последнюю строку, провёл ногтем по номеру пломбы и спросил, где двенадцать писем. Ирина ответила, что в мешке их нет. Это была правда, поставленная так, чтобы закрыть собой остальное.

— Значит, мешок вернулся пустым, — сказал один из членов комиссии.

— Значит, мы не знаем, что с ним произошло после составления ведомости, — поправила Ирина.

Руднев посмотрел на неё с усталостью человека, которому мешают закончить опасную работу аккуратно и быстро.

— Лишний конверт где?

— На исследовании.

— У кого?

— У меня.

— Ладога, не играй словами.

Ирина почувствовала под свитером ключ на синей нитке. Лиза ночью вернулась без десяти десять, взяла рукавицу и легла, не прочитав записку вслух. Утром её постель уже была пуста. На столе осталась анкета интерната с незаполненной строкой «согласие законного представителя».

— Бумага обычная, чернила обычные, — сказала Ирина. — Датер старый. Окончательного заключения нет.

— Тогда конверт — часть мешка.

— Он адресован мне.

— Он найден при исполнении служебных обязанностей.

Они смотрели друг на друга через стол. Потом Руднев протянул руку не к ней, а к акту.

— Запиши: содержимое — один конверт, временно у ответственного хранителя до передачи. Вечером передашь. Сейчас дом.

Это была уступка, и потому Ирина не доверяла ей больше, чем приказу.

До Геологов, 8 они дошли пешком. Снег прекратился, мороз стянул колеи до твёрдого блеска. У школы стоял автобус с поднятым капотом. Водитель грел двигатель паяльной лампой, а дети через окна показывали друг другу запотевшие круги. Ирина увидела Лизу на верхней ступеньке, но дочь отвернулась прежде, чем их взгляды встретились.

У калитки Руднев раздал бланки. Комиссия должна была оценить печь, проводку, пригодные доски и вещи, которые семья заберёт при переселении. Ирина читала перечень и пони-

мала, что её жизнь переводят в единицы веса: кровать — одна, шкаф — два, посуда — три ящика, книги — по факту упаковки.

— Подпись владельца внизу, — сказал Руднев. — Если есть замечания, внесём.

— Я не владелец. Дом записан на отца.

— Наследственное дело закрыто. Не начинай.

Комиссия вошла без приглашения, потому что приглашением считался сам бланк. Один мужчина мерил комнаты шагами, женщина из жилищного отдела проверяла рамы и печные заслонки. Возле кладовой она остановилась.

— Здесь по плану два и восемь квадрата.

— Так и есть, — сказала Ирина.

— На глаз больше.

Ирина встала между ней и стеллажом.

— Можете измерить.

Женщина приложила рулетку к стене. Стеллаж скрывал глубину лаборатории, но внешние размеры дома выдавали пустоту между помещениями. Она записала число, сравнила с планом и нахмурилась.

— Толстая перегородка.

— Дом перестраивали.

— Когда?

— До меня.

Руднев стоял в дверях и видел слишком много: снятый плинтус, незавёрнутые шурупы, свежие царапины на полу. Он дождался, пока остальные выйдут на кухню.

— Что там?

— Стена.

— Я спрашиваю последний раз как человек, который пытается не оставить тебя зимой без дороги.

— А потом как председатель комиссии?

— Потом позову техника, и он вскроет обшивку ломом.

Ирина вынула ключ, открыла лабораторию и зажгла красную лампу. Руднев пригнулся под низкой притолокой. Он не удивился увеличителю и коробкам. Удивление пришло, когда он увидел тетрадь с фамилиями.

— Твой отец работал на ту комиссию, — сказал он.

— Фотографировал дома.

— Я знаю.

Ирина закрыла дверь за собой.

— Откуда?

— Потому что я носил ему списки.

За стеной женщина диктовала: «износ печи сорок процентов». Каждое слово проходило сквозь доски отчётливее, чем признание Руднева.

— Вы были в Озёрном, — сказала Ирина.

— Был.

— И здесь в восемьдесят девятом.

— Был секретарём районной комиссии. Молодым и очень правильным. Мы должны были доказать, что каждый дом осмотрен до разборки. Твой отец сделал снимки, а потом отказался отдавать часть плёнки.

— Почему?

— Сказал, что подписи поставлены раньше осмотра.

Ирина подумала о двенадцати конвертах и вырванной странице. История не складывалась, но впервые её разрывы имели человеческие края.

— Дом Соловьёвых разобрали, пока ребёнок был в больнице.

Руднев отвёл взгляд к красной лампе.

— Разобрали не тот дом. Нумерацию бараков поменяли после пожара. Когда поняли, было поздно.

— И написали, что они опоздали.

— Написали, что семья выбыла по новому адресу. Это тоже было правдой.

— Правдой, поставленной так, чтобы закрыть остальное.

Он услышал повтор собственных привычек и поморщился.

— Поэтому я тороплюсь сейчас. Когда посёлок пустеет, ошибка быстро становится необратимой.

— А если торопиться, она становится официальной.

Руднев взял тетрадь, но Ирина удержала её за край.

— Это семейные бумаги.

— Это документы ликвидации.

— Без печати и номера, как ты любишь говорить.

Снаружи позвали председателя. Руднев отпустил тетрадь.

— У тебя до вечера. Потом сдаёшь письмо, ведомость и всё, что относится к прошлой комиссии. Взамен я держу место для тебя и Лизы в первой группе.

— Это обмен?

— Это возможность не повторить чужую ошибку.

Он вышел. Ирина осталась в красном свете и поняла, что комната без окна была не ответом, а хранилищем цены. Письмо велело найти её, но не говорило, что делать с найденным. Эту часть будущая Ирина оставила нынешней.

На кухне бланк уже заполнили. В графе о скрытом помещении женщина приписала: «подсобная фотокомната, осмотру доступна». Руднев положил ручку возле строки владельца.

— Подписывай.

— Здесь сказано, что я согласна на передачу дома после вывоза имущества.

— Такова процедура.

— Я не согласна.

— Тогда замечание.

— Не замечание. Отказ.

Женщина из жилищного отдела перестала складывать рулетку.

— При отказе компенсация и место в очереди не подтверждаются до разбирательства.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал Руднев. — Пока не понимаешь. Первая колонна уходит двадцать девятого. Следующая может не пройти до февраля.

Ирина посмотрела в окно. Автобус у школы наконец завёлся; над крышей поднялся чёрный выхлоп. За стеклом промелькнуло лицо Лизы.

— Дом не передан, — сказала Ирина и отодвинула ручку.

Руднев зачеркнул номер первой группы напротив её фамилии. Черта вышла прямой, деловой, почти незаметной. Именно так решения становились судьбой: не громом и не знаком, а движением карандаша в клетке.

— До вечера можешь передумать, — сказал он.

Комиссия ушла. На столе осталась копия акта с пустой строкой подписи. Ирина отнесла её в лабораторию и положила рядом с отцовским черновиком. Два незавершённых документа разделяли девять лет и одну и ту же ошибку: каждый обещал защитить людей, если люди сначала согласятся исчезнуть из собственного дома.

В прихожей зазвонил телефон.

Ирина сняла трубку, ожидая Руднева или Лизу. Вместо голоса услышала далёкий стук, словно кто-то переставлял штемпель на металлическом столе. Потом женский голос — её собственный, только старше — произнёс:

— Ты уже отказалась. Теперь не делай вид, что сделала это ради Лизы.

Связь оборвалась.

Ирина ещё держала трубку у уха, когда в ней появился обычный длинный гудок. Она нажала на рычаг, снова подняла — линия была чистой. На диске телефона под прозрачным кругом лежал выцветший номер узла связи. Ирина набрала его.

— Девушки, кто сейчас соединял Геологов, восемь?

Дежурила Тамара, которая узнавала людей раньше, чем они успевали назвать себя.

— Никто вас не соединял. Внутренний был?

— Не знаю. Может, помеха.

— У вас после вчерашнего снега вся улица трещит. Если повторится, заявку дам.

Ирина поблагодарила и положила трубку. Объяснение было готово, удобно и ничего не объясняло. Она записала на обороте копии акта время: 9:17. Потом зачеркнула. Если Руднев увидит, спросит, к какому осмотру относится запись. Если Лиза — поймёт, что мать опять начала собирать улики вместо ответа.

Через полчаса пришла Галина Шубина из переселенческого отдела. Она не сняла пальто и поставила на кухонный стол серую папку, не спрашивая разрешения.

— Семён Петрович велел разъяснить последствия под подпись.

В папке лежало новое уведомление. Место в первой колонне не сохранялось; две комнаты в Костроме, предложенные Ирине и Лизе, возвращались в распределение. Компенсацию за дом должны были рассчитать после повторного осмотра и подтверждения права наследования. До разбирательства вывоз мебели не гарантировался. Школьный рейс шёл отдельно, но несовершеннолетних принимали только с согласием родителя и подтверждённым адресом взрослого на месте.

— То есть Лиза может уехать с интернатом?

— Если подпишешь согласие. А ты куда?

— Пока сюда.

Галина посмотрела на остывающую печь.

— «Сюда» скоро не будет адресом. После первой колонны уголь развезут только на котельную и медпункт. Частные нормы урежут. Магазин закроет долговые тетради двадцать пятого. Машина для вещей второй раз по каждой улице ходить не станет.

Она говорила без угрозы, перечисляя то, что уже превратилось в график. От этого каждое слово весило больше.

— А цена дома?

— По предварительной оценке — восемнадцать миллионов старыми. После Нового года это будет восемнадцать тысяч. Цифры станут короче, цена — нет. Если докажешь лабораторию как полезную площадь, добавят. Если признают самовольной перестройкой, вычтут разбор.

— За эти деньги нельзя купить две комнаты.

— Поэтому дают обмен, а не деньги. Давали.

Галина развернула уведомление к Ирине и положила ручку на строку «ознакомлена».

— Это не согласие на сдачу. Только подтверждение, что потом не скажешь, будто не знала.

Ирина подписала. Рядом с её фамилией Галина поставила время — 9:52. Два звонка и одна подпись разделяли утро на то, что можно было доказать, и то, что приходилось нести без свидетелей.

— Руднев может вернуть место до вечера, — сказала Галина, убирая папку. — Он сердится не потому, что ему нужен твой дом. Ему нужна колонна без дыр.

— А мне нужна дочь не как строка в колонне.

— Тогда спроси у неё, что нужно ей.

После её ухода Ирина вынесла из кладовой три пустые коробки. На первой написала «в квартиру», на второй — «архив», на третьей — «не решено». Последняя наполнилась первой: отцовские инструменты, школьные альбомы Лизы, синяя чашка с отколотой ручкой. В коробку для квартиры Ирина не смогла положить ничего. У квартиры больше не было ни адреса, ни размера.

Лиза вернулась после полудня. Она вошла тихо, увидела коробки и остановилась, не снимая шапки.

— Всё-таки подписала?

— Нет.

— Тогда зачем собираешь?

— Потому что отказ не остановил переселение. Только убрал нас из первой колонны.

Ирина протянула ей уведомление. Лиза прочла до конца, задержалась на строке о школьном рейсе и положила лист на стол.

— Ты знала, что так будет.

— Знала в общем. Теперь знаю точно.

— И всё равно решила одна.

— Да.

Признание не смягчило Лизу, но заставило её поднять глаза. Ирина показала на стул.

— Сядь. Я не буду говорить, что сделала это ради тебя.

— А ради кого?

Ирина могла ответить: ради отца, ради людей на снимках, ради дома. Все ответы были частью правды и способом не произносить главное.

— Ради себя. Я не смогла сегодня отдать дом вместе с тем, что нашла. И за это решение заплатили обе.

Лиза села, оставив пальто застёгнутым.

— Чем?

Ирина перечислила комнаты в Костроме, машину для вещей, уголь, повторную оценку. Не сказала «как-нибудь устроимся» и не назвала восемнадцать миллионов большой суммой. Когда она закончила, на кухне стало слышно, как в печной трубе осыпается сажа.

— Значит, дома у нас уже нет, — сказала Лиза. — Есть строение, за которое ты споришь, и две комнаты, которые ты отдала.

— Не отдала. Потеряла бронь.

— Это архивная разница.

Ирина приняла удар, потому что заслужила именно его.

— Если ты хочешь ехать школьным рейсом, я подпишу согласие.

Лиза расстегнула верхнюю пуговицу.

— А ты?

— Останусь до повторного решения. Упакую снимки и документы. Потом найду вариант.

— Какой?

— Пока не знаю.

— Интернату нужен адрес взрослого.

— Попрошу Веру Павловну узнать, можно ли оформить место без моего адреса. Если нельзя, буду искать человека в Костроме, который согласится быть встречающим. Но я не буду ставить твою подпись вместо твоей и не стану держать тебя здесь домом.

— Моей подписи там вообще нет.

— Поэтому решение должно быть твоим, а согласие — моим. Это разные вещи.

Лиза потёрла ладонью запотевшее от мороза лицо.

— Я хочу уехать. Не потому, что письмо велело. Я ещё его не получала, если ты об этом. Ирина вздрогнула слишком заметно.

— Почему ты сказала «ещё»?

— Потому что ты смотришь на шкаф так, будто он всем уже что-то приготовил.

— Мне сегодня звонили.

Лиза ждала продолжения. Ирина почувствовала, как легко было бы переложить на чужой голос ответственность за отказ, сделать его предупреждением, знаком, приказом. Тогда разговор снова принадлежал бы не им.

— Из переселенческого отдела, — закончила она. — Принесли уведомление.

Это не было ложью, но после утренней правды такая точность показалась ей особенно дешёвой.

— Я уеду, — повторила Лиза. — А ты не должна потом говорить, что я бросила тебя с домом.

— Не буду.

— И дедовы фотографии не важнее моих вещей.

— Нет. Но их тоже нельзя оставить.

— Тогда раздели машину. Половина коробок — твои мёртвые, половина — мои живые.

Ирина хотела возразить против слов «твои мёртвые», но вместо этого подвинула к дочери пустую коробку для квартиры.

— Подпиши, что везём первым.

Лиза сняла пальто. На коробке она зачеркнула слово «квартира» и написала: «ЛИЗА. ШКОЛЬНЫЙ РЕЙС». Потом принесла из комнаты кассеты, зимние ботинки, две книги и фотографию, где они втроём стояли у этого дома ещё до болезни деда. Фотографию положила последней, изображением вниз.

К вечеру температура упала. Ирина растопила печь и вернулась в лабораторию. Она вынула негативы из старых конвертов и пересчитала: сорок восемь плёнок, на каждой от двенадцати до тридцати шести кадров. Увезти всё с собой можно было только ценой одного ящика Лизиних вещей. Оставить здесь — значило доверить сырости, комиссии или тому, кто первым войдёт после них.

Ирина выбрала не семейный чемодан, а архивный способ. Каждый конверт получила номер, фамилию, дату и краткое описание. Плёнки она разделила на две партии: оригиналы спрятала в жестяные футляры из-под киноплёнки, контактные листы и тетрадь подготовила для передачи в районный архив по акту. Не Рудневу лично и не в обмен на место — учреждению, с входящим номером, перечнем и копией у неё. Если бумаги попытаются убрать, останутся негативы. Если пропадут негативы, останется зарегистрированный след.

На отдельном листе она написала: «Материалы фотосъёмки переселения Озёрного, февраль—март 1989 года. Передача не означает согласия с выводами комиссии и не ограничивает доступ изображённых семей». Последняя фраза не имела силы закона. Но она задавала спор, который нельзя было закрыть молчанием.

Лиза появилась в дверном проёме с кружкой чая.

— Ты решила их отдать?

— Сохранить в двух местах.

— Руднев вернёт квартиру?

— Не за это.

— А если не вернёт?

Ирина накрыла футляр крышкой.

— Тогда это будет цена моего решения. Не твоего.

Лиза поставила кружку рядом с красной лампой.

— Цена всё равно общая.

— Да.

Они не обнялись и не простили друг друга. Лиза взяла пачку чистых конвертов и начала переписывать номера с Ирининогo списка. Почерки у них были разными: у Ирины — узким, экономным, у Лизы — широким, ещё школьным. На столе две колонки шли рядом, не подражая одна другой.

В половине шестого за стеной снова зазвонил телефон.

Ирина не встала. Лиза тоже продолжала писать. После шестого звонка аппарат умолк, и только тогда Ирина заметила, что поставила на последнем конверте завтрашнюю дату.

Глава 4. Письмо кочегару

Утром восьмого декабря Павел Костров принёс письмо в архив, зажав его между двумя фанерными дощечками. Дощечки были стянуты медной проволокой, словно бумага могла вырваться сама.

— Расписываться где? — спросил он.

От его ватника пахло угольной пылью и сырым железом. На левом рукаве темнело масляное пятно. Павел сел у двери, не дожидаясь приглашения, положил свёрток на колени и стал разматывать проволоку короткими сильными движениями.

Ирина закрыла журнал. После вчерашней описи коробки стояли вдоль стен в два ряда: к вывозу и к оставлению. Между ними оставался проход ровно на одного человека.

— Где нашли?

— Я не находил. Мне выдали.

— Кто?

— Георгий. В почтовом шкафу лежало.

Последний виток проволоки соскочил. Павел раздвинул дощечки. Конверт был серый, дешевле Иринино, с именем, напечатанным неровными заглавными буквами: «ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ КОСТРОВУ. ЛИЧНО». Обратного адреса не было. Штемпель стоял мартовский, но число расплылось.

— Не вскрывали? — спросила Ирина.

— Вскрыли. Я вскрыл. Моё.

Он вынул лист, сложенный вчетверо. Ирина не протянула руку.

— Если оно ваше, вы не обязаны показывать.

— Обязан, если из-за него котельная встанет.

Павел развернул лист и прижал ладонью. Почерк был его: крупные буквы без верхних соединений, которыми он заполнял сменные ведомости. Текст занимал половину страницы.

«Паша, в ночь на девятое не запускай резервный. Что бы ни говорил Руднев, не запускай. В четыре двадцать услышишь три удара в дымоходе. Это не лёд. Если подашь тягу, люди не успеют выйти. Я помню двор в саже и красное одеяло на снегу. Не проверяй это второй раз».

Подписи не было. Внизу стояла приписка: «Ключ от нижнего люка опять у Бориса».

— Кто такой Борис? — спросила Ирина.

— Был слесарь. Умер в девяносто четвёртом.

— Ключ?

— После него нашли в гараже. Сейчас у меня на щите.

Павел говорил так, будто отвечал комиссии по технике безопасности, но большой палец всё время закрывал строку о красном одеяле.

— Кто ещё знает про ключ?

— Полкотельной. Кто помнит Борьку — все. Про одеяло никто.

— Что за одеяло?

Павел посмотрел на дверь.

— У нас в сушилке лежит красное шерстяное. Им в прошлую зиму накрывали Кольку, когда тот руку обварил. Я его вчера выбросить хотел, да оставил.

Ирина не записала этого. Записанный факт начинал выглядеть доказательством раньше, чем им становился.

— Почему письмо у Георгия оказалось?

— Спросите у него.

Снаружи хлопнула входная дверь, и почти сразу появился сам Георгий. Он снял шапку, увидел письмо и сказал:

— Значит, принёс.

— Где оно лежало? — спросила Ирина.

— В сортировочной ячейке на букву «К». Утром открывал почту — было пусто. Вернулся после разгрузки мешков — лежит. Дверь всё время заперта.

— У кого ключ?

— У меня. Запасной в узле связи. И ещё был у Зои Максимовны до пенсии, но она его сдала.

— Был? — переспросил Павел.

— По журналу сдала.

— Показывай шкаф.

Они втроём перешли в почтовую комнату. Деревянные ячейки занимали стену от пола до потолка. На полках лежали счета за электричество, районная газета недельной давности и три извещения. Ячейка «К» была на уровне груди. Ирина провела пальцем по дну: пыль сдвинулась прямоугольником, повторяя размер конверта.

— Окно закрыто, — сказал Георгий. — На двери цело. Через щель не просунешь.

Павел попробовал соседние ячейки, потом заглянул за шкаф.

— Значит, положил тот, у кого ключ.

— Я не клал.

— Я не сказал, что ты.

— Сказал.

Ирина встала между ними не телом, а вопросом:

— Когда последний раз открывали резервный котёл?

Павел повернулся к ней.

— В октябре. Продули, дали давление на малом ходу. Нормально.

— Есть акт?

— Есть запись в журнале.

— Трещины в дымоходе проверяли?

— Снаружи. Внутрь без остановки обоих котлов не полезешь.

— Значит, письмо сообщает риск, который можно проверить только ценой остановки отопления?

— Оно сообщает приказ, — сказал Павел. — А я хочу знать, кто под ним подпишется.

Он сложил лист и спрятал обратно в конверт. Ирина поняла: Павел пришёл не за толкованием. Ему требовался документ, который разделит ответственность за ночь.

— Я могу составить акт обнаружения, — сказала она. — Только без оценки содержания.

— А котёл?

— Решает технический руководитель.

— Технический руководитель уехал в район две недели назад и обратно не вернулся.

Решаю я, пока всё работает. Если не сработает — решать будут другие.

Георгий осторожно прикрыл ячейку.

— Покажи Рудневу.

— Затем и пришёл. Сначала хотел, чтобы Ладога зарегистрировала. А то письмо исчезнет, а останется мой отказ запускать.

Ирина достала чистый лист и напечатала на машинке: «Акт предъявления почтового отправления». Указала время, состояние конверта, слова Павла о месте получения, присутствие Георгия. В графе «содержание» написала: «Личный текст с предупреждением о возможной опасности при эксплуатации резервного котла в ночь с 8 на 9 декабря». Не «предсказание» и не «письмо из будущего».

Павел прочёл, потребовал добавить номер котла и время 4:20. Потом поставил подпись. Георгий подписал как свидетель. Ирина сделала две копии через синюю кальку: одну Павлу, вторую — в новую тонкую папку без названия.

— Оригинал у вас, — сказала она. — Не оставляйте в котельной.

— Почему?

— Потому что там его могут прочитать люди, которым придётся принимать решение. Сначала покажем Рудневу.

Павел усмехнулся.

— А мы, значит, не люди?

— Мы уже прочитали. Этого не отменить.

Руднев пришёл через двадцать минут, в сопровождении Галины Шубиной. Галина держала списки первой колонны; напротив фамилии Ладоги теперь стояла пустая клетка. Ирина увидела её прежде, чем Руднев положил бумаги на стол.

— У меня до погрузки архива сутки, — сказал он. — Что ещё?

Павел передал ему конверт.

Руднев прочёл молча, затем перевернул лист и посмотрел на просвет. Подошёл к окну, понюхал бумагу, провёл пальцем по штемпелю.

— Кто знает про завтрашнее переключение?

— Теперь все здесь, — сказал Павел. — До письма знали я и диспетчер.

— Врёшь. График висит в проходной.

— График висит на неделю. Время ночной проверки там не написано.

— Четыре двадцать написано в сменном журнале?

— Нет. В четыре меняется нагрузка после продувки. Кто работал — догадается.

Руднев положил лист на стол.

— Провокация. Кто-то хочет сорвать отопление перед вывозом.

— Тогда дайте приказ запускать, — сказал Павел.

— Ты отвечаешь за эксплуатацию.

— Я отвечаю по инструкции. Инструкция не знает писем с марта.

— И правильно делает.

— Значит, пишите: содержание письма при принятии решения не учитывается, резервный котёл запустить по графику.

Руднев застегнул полушубок. Его движения стали особенно неторопливыми.

— Я не буду превращать чью-то дурную шутку в официальный документ.

— Тогда проверку отменяю.

— На каком основании?

— На основании возможной неисправности дымохода.

— Которой не было вчера.

— Вчера никто не назвал мне время трёх ударов.

— Вот именно. Теперь ты будешь ждать их. Услышишь, потому что любой дымоход стучит на морозе. Потом закроешь заслонку, и к утру у меня остынет полпосёлка.

Павел подался вперёд.

— А если не закрою и красное одеяло понадобится?

Галина перестала перелистывать списки. Георгий отвернулся к окну.

Руднев прочёл эту строку ещё раз.

— Одеяло вынести из котельной. Письмо передать милиции. Проверку провести по графику.

— Подпишите.

— Павел Андреевич, ты двадцать два года топишь Ветловск. Не делай вид, что впервые должен решить без начальника.

— Я двадцать два года решаю по давлению, тяге и цвету пламени. А это не прибор. Хотите, чтобы я его не видел, — заберите у меня память.

Ирина слушала и понимала, что письмо уже изменило ночь, даже если было подделкой. Павел станет прислушиваться к каждому удару. Руднев будет ждать падения температуры. Любой шум получит значение, которого вчера не имел.

— Нужен осмотр до запуска, — сказала она.

Руднев повернулся к ней.

— Кем?

— Павлом и слесарем. С записью фактического состояния. Письмо не основание для остановки, но основание появилось другое: ответственный сообщил о сомнении в безопасности.

— Ты теперь ещё и инженер?

— Нет. Поэтому предлагаю записать границы того, что мы знаем.

— Границы у нас такие: один рабочий котёл, один резервный, мороз минус тридцать один и посёлок, который ты вчера решила оставить без места в колонне. Если основной встанет, бумага никого не согреет.

— Если резервный опасен, приказ тоже.

Руднев посмотрел на тонкую папку.

— Что там?

— Акт предъявления.

— Отдай.

— Копию.

— Оригинал.

— Оригинал у адресата.

— Значит, ты уже устроила архив этих писем.

Ирина хотела ответить, что это второй случай и совпадение ещё не система. Но папка лежала перед ней, а внутри — две копии: её собственного письма и Павлова. Система началась прежде, чем получила название.

— Я регистрирую сообщение о риске, — сказала она.

— Ты придаёшь слуху печать учреждения.

— На акте нет печати.

— Пока.

Павел взял свой конверт.

— Мне к двум на смену. До часу жду решение. Если его нет, резервный не запускаю до осмотра дымохода.

— Это самоуправство, — сказал Руднев.

— Запишите и это.

Он ушёл. Георгий задержался, будто хотел сказать что-то Ирине, но Руднев приказал ему проверить замок почтовой комнаты и составить список всех ключей. Галина унесла переселенческие ведомости. В кабинете остались Ирина и Руднев.

— Ты понимаешь, что произойдёт, если о письме узнают? — спросил он.

— Узнают, что есть сомнение в исправности резервного котла.

— Нет. Каждый, кому не нравится решение, принесёт бумагу от будущего. Не ехать, не отдавать дом, не включать котёл. А отвечать за последствия буду я в настоящем.

— Павел тоже отвечает.

— Павел хочет разделить страх. Ты дала ему бланк.

— Я дала ему формулировку без признания подлинности.

Руднев опёрся ладонями о стол.

— В Озёрном мы ждали письменного разрешения на второй автобус. Диспетчер по рации сказал, что дорогу переметает, но оформить не успел. Я не выпустил машину без бумаги. Потом бумага пришла. Автобус уже не прошёл.

Он впервые рассказал это без оправдания и без даты. Ирина не спросила, кто остался. В его лице на секунду появился молодой секретарь с фотографии, ещё уверенный, что правильная подпись отделяет порядок от вины.

— Значит, вы знаете цену и бумаге, и её отсутствию.

— Знаю цену задержке.

— А я — цену записи, которая потом утверждает, будто люди сами выбрали то, что за них решили.

— Поэтому мы оба опасны для посёлка, — сказал Руднев. — Каждый со своей старой ошибкой.

Он забрал копию акта, не потребовав папку, и вышел.

В двенадцать Ирина пошла в котельную. Она несла папку под пальто и чувствовала её край под локтем. Мороз усилился; дым из труб не поднимался, а ложился над крышами длинной серой полосой. Возле школы водитель снимал с автобуса колесо. Первая колонна готовилась к отъезду, но всё, что должно было её увезти, пока стояло разобранным.

Котельная начиналась с тепла, которое казалось ударом. Очки Ирины запотели. За стеклом проходной гремело радио, на подоконнике сохли рукавицы. Павел встретил её у щита управления и выдал каску.

— Приказа нет, — сказал он.

— Осмотр будет?

— Слесарь Гена полезет наверх после обеда. Внутренний канал не увидит. Для этого надо гасить основную.

Главный котёл занимал середину зала — зелёный, закопчённый, обвитый трубами. Стрелки манометров дрожали. Резервный стоял за сетчатым ограждением. На его кожухе мелом было написано «№ 2» и ниже: «проверка 09.12, 04:20».

— Вот откуда время, — сказала Ирина.

— Я утром написал. После письма.

— Зачем?

— Чтобы сменщик не перепутал.

— Значит, любой, кто войдёт теперь, решит, что надпись была раньше.

Павел стёр время рукавицей. На зелёной краске остался белый след.

— У вас, архивных, всё так? Написал сегодня — через год уже кажется, будто всегда было?

— Иногда через час.

Он провёл её к основанию дымохода. Нижний люк запирался квадратным ключом, привязанным к щиту цепочкой. Павел открыл его. Изнутри пахло холодной сажей. В луче фонаря блестели чёрные наросты.

— Три удара могут быть чем угодно, — сказал он. — Лёд отвалится. Тяга хлопнет. Лист железа поведёт. Если ждать именно три, дождёшься.

— А красное одеяло?

Павел указал на сушилку. Одеяло лежало на верхней полке, сложенное вчетверо.

— Не вынес.

— Почему?

— Если вынесу, значит, поверил. Если оставлю — будто проверяю письмо. Куда ни положи, оно уже командует.

Ирина сняла одеяло и развернула. На одном углу была нашита белая полоса с инвентарным номером медпункта.

— Оно не котельное.

— После Кольки медсестра забыла. Так и осталось.

— Верните сегодня. Не из-за письма. Потому что медпункту оно нужнее.

Павел взял одеяло. Простое действие вернуло вещи её назначение, но строку из памяти не убрало.

— Вы своё письмо исполнили? — спросил он.

— Нашла комнату. Дом не отдала.

— Помогло?

— Нет такого результата, который можно отделить от моего решения.

— Красиво говорите. А мне в четыре двадцать надо будет открыть газовый клапан.

— Тогда решайте по котлу. Письмо сохраните как причину дополнительного осмотра, не как показание прибора.

— Если бы там было написано «запускай», вы бы то же сказали?

Ирина не ответила сразу.

— Должна была бы.

— Не спросил, что должны. Спросил, что сделали бы.

Она посмотрела на дрожащую стрелку тяги.

— Не знаю.

Павел кивнул. Этот ответ устроил его больше правильного.

В диспетчерской Ирина попросила сменный журнал. Запись об октябрьской проверке занимала две строки: «Растопка удовлетворительно. Тяга в норме». Подписал Павел. Следующая страница была чистой.

— Запишите сегодняшний внешний осмотр отдельно, — сказала она. — Что видели и чего не могли проверить без остановки основного. Без упоминания письма.

— Почему без?

— Потому что через год запись должна говорить о состоянии котла, а не о том, чего мы боялись.

— А письмо куда?

— В закрытую опись. Доступ — адресату. Если решение затрагивает других, фиксируется только действие и основание, которое можно проверить.

Павел усмехнулся.

— Уже правила придумали.

— Только первое.

— А если оно не согласно с письмом?

— Письмо не имеет права голоса.

— Зато человек имеет. Пока не случилось.

Он открыл журнал и начал писать. Ирина следила, как крупные печатные буквы появляются на бумаге. Почерк действительно был похож на письмо, но не совпадал: в слове «дымоход» Павел соединял «м» и «о», а неизвестный автор оставил между ними щель. Разница могла появиться за три месяца, из-за спешки или потому, что писал другой человек, старательно копируя сменные ведомости.

Ирина ничего не сказала. Она не хотела превращать каждую букву в обвиняемого.

Вернувшись в архив, она достала из шкафа серую папку и напечатала на обложке: «Закрытая опись личных отправок с датами, не соответствующими дате получения». Слово «будущими» не использовала. Внутри завела карточки № 1 и № 2.

На первой указала свой конверт, мартовский штемпель, обнаружение в старом мешке, известные способы доступа к датеру и выполненные действия: поиск комнаты, отказ от передачи дома. В графе «подтвердилось независимо от действий адресата» написала: «Нет».

На второй — конверт Павла, ячейку «К», сведения о ключах, предупреждение о резервном котле и внешний осмотр. В той же графе оставила пустое место. Завтрашняя ночь ещё не наступила, но письмо уже участвовало в её подготовке.

Ниже Ирина сформулировала порядок: оригинал остаётся у адресата; содержание не разглашается без его согласия; сведения об угрозе другим людям передаются ответственному лицу; подлинность и исполнение указаний не предполагаются; последствия решений записываются отдельно от текста письма.

Она поставила дату и не подписала. Правило, придуманное одним адресатом, было лишь ещё одним личным письмом, пока его не приняли другие.

В пять пришли Павел и Георгий. Павел принёс запись осмотра: снаружи разрушений нет, внутреннее состояние дымового канала без остановки основного котла не установлено. Руднев на полях написал: «Разрешаю штатную проверку при соблюдении инструкции». Слова «приказываю запустить» не было.

Ирина прочла им порядок закрытой описи.

— Про моё письмо никому, — сказал Павел. — Но если не запущу котёл, люди имеют право знать почему.

— Тогда сообщаем: ответственный кочегар отложил запуск из-за непроверенного состояния дымохода. Текст письма — только с вашего согласия.

— А если запущу?

— Записываем, что решение принято по результатам осмотра и инструкции.

Георгий постучал ногтем по карточке.

— А кто проверит нас? Я нашёл оба конверта — твой в мешке, Павлов в ячейке. Получается, я могу разносить приказы, а потом сидеть в комиссии по ним.

— В описи будет каждый, кто имел доступ. Включая меня.

— И ключи.

— И ключи.

Павел прочёл первую карточку.

— Тут написано, что своё письмо вы исполнили.

— Частично.

— Тогда не говорите, будто моё лежит отдельно от решения.

Ирина добавила к правилу шестую строку: «Адресат отмечает, прочитал ли он письмо до действия». Напротив своей карточки поставила «да». Павел напротив второй тоже поставил «да», затем расписался на обороте.

Георгий подписал как хранитель сведений о доставке. Ирина — как составитель описи. Три подписи не делали письма подлинными. Они лишь не позволяли позже сказать, что никакого выбора не было.

Перед уходом Павел забрал конверт, но копию текста оставил в папке под собственным заклеенным клапаном. На клапане расписался поперёк стыка.

— В четыре двадцать позвоню, — сказал он.

— До или после запуска?

— Если решу до — до. Если после — значит, поздно спрашивать.

Когда дверь закрылась, Георгий проверил замок архива и положил связку почтовых ключей на стол.

— До утра пусть будут у вас. Я не хочу снова найти то, чего не приносил.

— Тогда под подозрением буду я.

— Вы уже.

Ирина внесла передачу ключей в карточку и заставила Георгия расписаться. Он улыбнулся краем рта.

— Скоро на каждый вдох акт заведём.

— Только на тот, от которого зависит чужой воздух.

После его ухода она заперла закрытую опись в металлическом ящике. Ключ от ящика лежал на её связке, почтовые ключи — отдельно, в опечатанном конверте. Всё было устроено разумно, проверяемо и слишком поздно: трое людей уже читали предупреждение, Руднев считал его диверсией, а Павел знал точное время, когда должен услышать три удара.

В половине десятого Ирина пришла домой. Лиза спала, положив заполненную анкету интерната на кухонный стол. Строка согласия оставалась пустой. Ирина не стала будить дочь. Она подписала только отдельный лист с разрешением Вере Павловне уточнять место и условия приёма, но не согласие на отъезд. Для окончательного решения им нужен был ещё один разговор, не ночная подпись над спящим человеком.

Телефон молчал.

Ирина завела будильник на четыре десять и легла в одежде. Перед тем как погасить свет, вынула из кармана копию карточки Павла. В графе независимого подтверждения по-прежнему было пусто.

До ночи на девятое оставалось шесть часов. Всё, что случится теперь, уже нельзя будет назвать событием, которого никто не ждал.

Глава 5. Южный билет

Утром девятого декабря Лиза нашла письмо в кармане пальто, которое не надевала с прошлой весны.

Пальто висело в сенях за отцовской брезентовой курткой. Ирина собиралась вынести обе вещи в кладовую, чтобы освободить крючки для тулупов комиссии, и велела дочери проверить карманы. Из правого Лиза достала автобусный талон, две засохшие ягоды рябины и смятый фантик. В левом лежал конверт.

Он не мог пролежать там с весны. Бумага была сухой и холодной, но не отсыревшей, а на клапане темнела ровная полоса свежего клея. Адрес написали синими чернилами:

«Елизавете Ладог. Лично».

Лиза сначала решила, что мать всё-таки договорилась о её отъезде и придумала торжественный способ сообщить. Потом увидела штемпель: 04.04.98.

До апреля оставалось почти четыре месяца.

Она не позвала Ирину. В доме было тихо, только в кухне подрагивала крышка эмалированного чайника. Мать ушла в архив ещё до семи, оставив записку: «После школы — к Вере Павловне. Ничего не подписывай без меня». Последнее предложение было дважды подчёркнуто.

Лиза села на пол в сенях, прижавшись спиной к стене. Конверт раскрылся без треска. Внутри оказался лист из школьной тетради в клетку, сложенный вчетверо. Почерк был её — не тот, каким она старательно писала сочинения, а быстрый, домашний: высокая «д», угловатая «л», короткий хвост у «у». Только нажим казался сильнее, словно рука привыкла добиваться от бумаги ответа.

«Лиза,

уезжай первым школьным рейсом. Не жди взрослого автобуса и не позволяй маме задерживать тебя ради дома. Вера Павловна согласится, если ты сама попросишь и скажешь про комнату у сестры.

Возьми зелёную папку, серый свитер и фотографию, где дед держит тебя на крыльце. Остальное не важно.

Ты будешь думать, что оставляешь её одну. Это неправда. Она уже выбрала не тебя».

Ниже шли ещё четыре строки. Лиза прочла первую, сложила лист так резко, что ноготь прорезал клетчатую бумагу у сгиба, и сунула нижнюю половину обратно в конверт. Потом передумала, достала письмо и перегнула лист в другом месте. Последние строки оказались внутри узкой полосы. Эту полосу она засунула под стельку правого сапога.

Остальной текст положила в учебник географии.

На кухне чайник выкипел. Лиза выключила плитку и долго смотрела на материнскую записку. «Ничего не подписывай без меня» звучало так, будто вся её жизнь уже стала приложением к чужому документу.

Она достала анкету интерната. В графе согласия по-прежнему было пусто.

До начала уроков оставалось сорок минут.

Школа занимала двухэтажное здание напротив котельной. По утрам окна второго этажа запотевали, и ученики пальцами рисовали на стекле острова. Сегодня на первом этаже было холоднее обычного. Дежурная учительница поставила у входа ведро для снега и велела всем идти в куртках до звонка.

Вера Павловна сидела в учительской одна и переписывала списки. На столе лежали три стопки: «с родителями», «к родственникам», «интернат». Лизину анкету она держала отдельно, прижав красным пеналом.

— Мама разрешила мне поговорить про место, — сказала Лиза.

Вера Павловна сняла очки.

— Про место — да. Про отъезд вы должны решить вместе.

— А первый школьный рейс когда?

— Двадцать девятого. Если зимник выдержит. Сначала младшие и те, у кого уже есть принимающая сторона.

— У меня есть.

— Вчера не было.

Лиза положила на стол тетрадный лист, но ладонью закрыла нижний сгиб.

Вера Павловна не потянулась к письму.

— Что это?

— Мне написали.

— Кто?

— Я.

Слово прозвучало нелепо. Из коридора донёсся свист, затем чей-то смех. Вера Павловна встала и закрыла дверь учительской.

— Покажи конверт.

Лиза показала.

Учительница прочла адрес и дату, поднесла бумагу к окну, будто на свету могла обнаружиться шутка. Потом вернула конверт.

— Твоя мать знает?

— Нет.

— Тогда сначала к ней.

— В письме сказано не позволять ей меня задержать.

— Письмо не несёт за тебя ответственность.

— А мама несёт?

Вера Павловна помолчала.

— По закону и по жизни — пока да.

— По какой жизни? По той, где она выбрала дом и сняла нас с первого списка?

— Она не сняла тебя. Она отказалась сдавать дом на условиях комиссии. Это не одно и то же.

— Для автобуса одно.

Вера Павловна разгладила ладонью верхнюю стопку. Лиза заметила в ней фамилию Кострова и ещё несколько знакомых фамилий. Бумаги делали то, чего взрослые избегали вслух: разделяли людей по будущим комнатам.

— Сестра у меня в Ярославле, — сказала учительница. — Комната действительно есть. Но я говорила твоей матери только о возможности. Сестра не давала согласия принять тебя до конца учебного года.

— Позвоните ей.

— Междугородняя сегодня после двенадцати.

— Позвоните.

— И если она согласится, ты считаешь, всё решено?

— Нет. Тогда будет решено хоть что-то.

Вера Павловна посмотрела на закрытый ладонью сгиб.

— Там продолжение?

— Про меня.

— Первые строки тоже про тебя.

— Эти — только про меня.

Учительница кивнула не как человек, которому отказали, а как человек, признавший границу.

— Хорошо. Я позвоню сестре. Но письмо мы покажем Ирине сегодня. Не потому, что она имеет право на каждую твою мысль. Потому что от твоего отъезда меняется и её положение: жильё, багаж, маршрут, документы. Ты не можешь потребовать, чтобы она заплатила за решение, о котором не знает.

— Она так и сделала со мной.

— Значит, у тебя есть возможность не повторять.

Первый звонок застал Лизу у двери.

— И ещё, — сказала Вера Павловна. — Не отдавай письмо никому. Даже мне. Пока оно твоё.

На уроке географии класс изучал транспортные узлы европейской части страны. Учитель рисовал мелом стрелки к югу, а Лиза видела вместо них зимник: сорок три километра белой дороги до станции, потом поезд, пересадка, ещё один поезд. В каждом пункте требовался взрослый, подпись или место, которого могло не оказаться.

Она представила первый школьный автобус. Двадцать девять детей, мешки с одеждой в проходе, учительница у двери. Мать остаётся на обочине в отцовском тулупе. Дом за её спиной кажется маленьким и упрямым. Автобус трогается, и Лиза не знает, стала ли свободнее или просто первой научилась уходить.

В кармане юбки шуршал конверт. Полоска под стелькой давила в пятку.

После второго урока в школе погас свет. Через минуту включился снова, лампы моргнули и загудели. Из батарей донёсся глухой щелчок. Все замолчали.

— Воздух, — сказал учитель. — Система старая.

Лиза подумала о котельной и о том, что взрослые называют старостью всё, чего не могут проверить немедленно.

В двенадцать Вера Павловна увела её в кабинет директора. Междугородняя связь пришла с шумом, будто голосу приходилось пробиваться сквозь метель. Сестру звали Анна Павловна. Она жила не в Ярославле, как сказала Лиза, а в посёлке под ним, работала в больничной прачечной и воспитывала двух сыновей.

— На месяц могу, — сказала она после долгого молчания. — До распределения. Спать будет с Катей в одной комнате.

— У тебя нет Кати, — заметила Вера Павловна.

— У соседки. Она согласна уступить раскладушку.

Связь зашипела.

— А потом? — спросила Лиза.

— Потом школа решит. Или мать приедет. Девочка, я тебя не знаю, пойми правильно.

— Понимаю.

— Документы должны быть все. Медицинская карта, личное дело, согласие матери. Без бумажки я тебя на порог не поставлю — не потому что злая. У нас проверка после Нового года.

— А если согласие будет?

— Тогда встречу на станции. Вера даст телеграмму.

Разговор оборвался на полуслове. Вера Павловна записала условия на обороте анкеты и поставила время звонка.

— Теперь есть принимающая сторона, — сказала Лиза.

— На месяц.

— В письме было про комнату у сестры.

— Об этой комнате знала я, твоя мать, директор и половина учительской. Это не доказательство.

— Я не говорила, что доказательство.

Но именно так она думала. Письмо попало не в общее желание уехать, а в подробность, о которой Лиза не знала вчера. Или забыла, что знала. Она пыталась вспомнить разговоры

взрослых на кухне, обрывки фраз в коридоре, фамилию Анны Павловны. Память охотно подсовывала ей подходящие сцены уже после того, как ответ стал известен.

— До вечера анкету не трогаем, — сказала Вера Павловна. — После уроков идём к Ирине вместе.

— Нет. Я пойду сама.

— Почему?

— Потому что если вы будете рядом, она станет говорить как архивистка.

— А без меня?

— Как мать. Наверное.

Вера Павловна оставила анкету у себя, но дала Лизе копию записи о звонке. Это была маленькая уступка: не решение, а доказательство, что решение возможно.

Ирина вернулась домой в половине четвёртого. Снег на её шапке не таял — в сенях стало почти так же холодно, как на улице. Она принесла свёрток копировальной бумаги и буханку хлеба, положила их рядом, словно оба предмета относились к одной работе.

— Ты была у Веры Павловны? — спросила она.

— Была.

— Место уточнили?

— Да.

— Вечером обсудим. Мне нужно вернуться в архив до пяти.

Лиза положила конверт на хлеб.

Ирина не сразу поняла. Потом увидела дату и перестала развязывать шарф.

— Где?

— В моём пальто.

— Кто имел доступ?

— Я, ты, дед, если считать мёртвых.

— Лиза.

— Что? Это первый вопрос, который ты задаёшь про любое письмо. Не что там, а кто мог подложить.

Ирина вымыла руки, хотя не касалась грязных вещей. Села за стол. Лиза подала ей раскрытый лист, удерживая спрятанный стиг в кулаке.

Мать прочла медленно. На словах «она уже выбрала не тебя» её лицо не изменилось, только большой палец прижал бумагу сильнее.

— Это не весь лист.

— Весь, который касается тебя.

— Край оторван?

— Сложен.

— Покажи.

— Нет.

Ирина вернула письмо.

— Тогда я могу обсуждать только то, что прочла.

— Обсуждай.

— Текст составлен так, чтобы ты противопоставила свой отъезд моему дому. Подробности про Веру Павловну могла быть известна нескольким людям. Пальто висело в незапертых сенях. Штемпель можно поставить старым датером.

— Ты закончила?

— Нет. Я не имею права объявить письмо подлинным. Но оно принадлежит тебе, и решение тоже твоё — в той части, в которой ты можешь его принять.

— Красиво.

— Не красиво. Точно.

— Тогда подпиши согласие.

— Сегодня вечером, если условия у Анны Павловны действительно подтверждены и будет взрослый сопровождающий.

Лиза ожидала отказа и оттого не сразу поверила согласию.

— Ты отпустишь меня первым рейсом?

— Если он безопасно пойдёт и документы примут. Да.

— Потому что письмо велело?

— Потому что ты попросила, нашла принимающую сторону и потому что я уже один раз поставила дом впереди твоего места в автобусе.

Лиза вытащила из кармана запись Веры Павловны.

— На месяц. Потом школа или ты.

Ирина прочла, перевернула лист и поискала продолжение.

— Это не обещание на год.

— Зато не обещание когда-нибудь.

— Согласна.

Они сидели напротив друг друга, разделённые буханкой, конвертом и пустой анкетой. Лиза чувствовала под пяткой спрятанные строки. Мать применила к письму своё новое правило: не отняла, не разгласила, отделила проверяемое от приказа. Но правило оказалось удобным только до тех пор, пока адресат не распорядился письмом против неё.

— Ты сказала, решение моё, — напомнила Лиза.

— Сказала.

— Тогда не спрашивай нижнюю часть.

Ирина закрыла глаза на секунду.

— Не спрашиваю. Но если там есть угроза кому-то ещё, ты обязана сообщить хотя бы её смысл.

— Нет угрозы.

Это было не совсем правдой. Последние строки не обещали аварии или смерти. Они говорили о том, что произойдёт между ними после отъезда, и Лиза не могла решить, кому принадлежит такая угроза.

— Хорошо, — сказала Ирина. — Оригинал остаётся у тебя. Я заведу карточку только с твоего согласия.

— Заводи.

— Содержание закрытое?

— Да.

— Кто прочёл до решения?

— Я. Вера Павловна — верхнюю часть. Теперь ты.

— Кто имел доступ к пальто?

— Не знаю.

Ирина записала ответы на обороте копии звонка. Потом дошла до графы «действие адресата» и подняла ручку.

— Пока ничего, — сказала Лиза. — Пока только попросила место.

— Это уже действие.

— Тогда так и пиши.

Мать написала. Лиза расписалась ниже. Подпись получилась почти такой же, как на конверте, но последняя буква ушла вверх. Ирина заметила различие и ничего не сказала.

В четыре сорок позвонил Руднев.

Он говорил быстро. Район прислал уточнение: школьный рейс объединят с вывозом архивных копий и медицинского имущества. Багаж ограничат одним местом на ребёнка. Спи-

сок требовалось сдать сегодня до восемнадцати часов, иначе автобус уйдёт полупустым, но ждать опоздавших не станет.

— Ладогу включать? — спросил он.

Ирина посмотрела на дочь.

— Включать.

— Одну?

Вопрос был деловым, но в кухне он прозвучал как приговор.

— Одну.

— Согласие у вас?

— Будет до шести.

— Дом после этого всё равно не вернётся в первую очередь. Чтобы не было недоразумений.

— Не будет.

— И архивные копии подготовьте. В рейсе для них два ящика. Если опоздаете, следующая машина после праздников.

Ирина записала размеры ящиков. Положив трубку, она сказала:

— Если я сейчас подпишу, у нас останется два часа на медицинскую карту и заявление. Потом мне нужно всю ночь копировать опись для районного архива.

— Я помогу.

— Ты соберёшь свои вещи.

— До двадцать девятого ещё двадцать дней.

— Для одного места это мало.

Лиза хотела возразить, что письмо уже перечислило нужное: зелёную папку, свитер, фотографию. Но тогда мать спросила бы, почему человек из апреля знает о багаже, объявленном сорок минут назад. Или поймёт, что именно так письмо заставляет их подтверждать себя.

— Сначала подпись, — сказала Лиза.

Ирина достала анкету интерната из буфета. Заполнила согласие на временное размещение, отдельно приписала: «до определения постоянного места проживания, с правом ребёнка вернуться к матери». Вера Павловна по телефону подтвердила, что такая оговорка не снимет Лизу с рейса.

Лиза смотрела, как мать подписывает её отъезд. Не задерживает руку, не ставит условий про дом, не просит благодарности. От этого победа стала похожа на потерю.

— Ты могла так вчера, — сказала она.

— Могла.

— Почему не сделала?

— Потому что думала, будто ещё успею сохранить оба решения.

— А письмо понадобилось, чтобы выбрать меня?

— Нет. Чтобы я увидела, что своим ожиданием уже выбираю за тебя.

Лиза встала.

— Не говори так, будто оно помогло.

— Почему?

— Потому что тогда всё, что оно написало про тебя, тоже становится правдой.

Она ушла в комнату и закрыла дверь. Достала из-под стельки узкую полосу. Бумага стала тёплой и влажной по краям.

«После твоего отъезда мама останется в доме одна. Вы не будете разговаривать семь лет. Если хочешь этого избежать, не показывай ей эти строки. Пусть она думает, что отпустила тебя сама».

Лиза перечитала трижды.

Письмо требовало одновременно уехать и скрыть предупреждение, чтобы сохранить будущее, которое описывало. Если она покажет строки, семилетнее молчание может не случиться — но тогда она нарушит указание взрослой себя. Если спрячет, каждая будущая ссора станет подтверждением.

Она разорвала полоску вдоль на две части, но остановилась. Сложила половинки вместе и убрала в зелёную папку с грамотами. Не уничтожила и не выполнила. Оставила себе возможность позже назвать это выбором.

Из кухни донёлся скрип стула. Ирина ходила по дому и составляла список вещей Лизы: зимнее пальто, сапоги, бельё, школьные тетради. Возле каждого пункта ставила вес. Дом, который она отказалась отдать целиком, теперь измерялся тем, что можно было унести одним местом.

В половине шестого они пошли в школу. На улице темнело. Над котельной дым поднимался ровно, но слишком низко и прижимался к крышам. У входа в школу Павел Костров разговаривал с завхозом. Увидев Ирину, он поднял руку.

— На основном давление гуляет, — сказал он. — Пока в пределах. Ночью буду держать резерв готовым, но не запускать до проверки.

— Руднев звонил?

— Дважды. Первый раз сказал соблюдать инструкцию. Второй — что два дома на нижней улице жалуются на холод.

— Что вы решили?

— До четырёх двадцати не трогаю. После ударов остановлю основной, полезем смотреть канал. Если ударов не будет, решу по приборам.

Лиза посмотрела на котельную. В письме ей не было ни слова о котлах. Однако первый школьный рейс, архивные ящики и дом уже зависели от тепла так же, как от подписей.

— Почему именно четыре двадцать? — спросила она.

Павел перевёл взгляд на Ирину.

— Потому что один человек попросил меня не торопиться.

— Письмо?

Ирина не успела остановить её.

Павел нахмурился.

— Откуда знаешь?

— У всех теперь письма.

— Не у всех, — сказала Ирина.

— Пока не у всех.

В школе Вера Павловна приняла согласие, медицинскую карту и копию записи о междугороднем разговоре. Внесла Лизу в список под номером семнадцать. Напротив графы «принимаящая сторона» написала имя сестры и слово «временно».

— Билет выдадут за три дня, — сказала она. — До этого список могут изменить только по болезни или отказу семьи.

— А если дорогу закроют? — спросила Ирина.

— Тогда не поедет никто.

— А если отопление?

— Тогда детей соберут раньше в школе и будут ждать решения района.

Каждое «если» связывало южный билет с посёлком крепче, чем хотелось Лизе.

Она расписалась в предварительном списке. Рядом расписалась мать. Две подписи стояли на одной строке и не отменяли друг друга.

На обратном пути Лиза шла впереди. Ирина несла медицинскую карту, прижав к груди. Возле дома дочь остановилась.

— Ты правда останешься здесь одна?

— До вывоза архива. Потом уеду.

— Куда?

— Пока не знаю.

— Значит, письмо соврало.

— Какое место?

Лиза поняла, что выдала спрятанный текст.

— Оно написало, что ты останешься ради дома.

— В той части, которую ты не показала?

— Да.

Ирина не попросила лист.

— Я могу остаться на неделю или на месяц. Это не значит, что письмо знает срок лучше меня.

— А если знает?

— Тогда ему всё равно придётся дождаться моего решения.

— Ты всегда так говоришь, будто можно составить акт на будущее.

— Нет. Я составляю акт на настоящее. Будущему придётся обойтись без подписи.

Лиза усмехнулась, хотя не хотела. Напряжение ослабло на один вдох.

В доме они разделили работу. Ирина ушла в фотолабораторию за копиями, Лиза принесла зелёную папку и стала выбирать вещи. Серый свитер оказался мал в рукавах. Фотография с дедом стояла за стеклом в общей рамке; чтобы вынуть её, пришлось разогнуть ржавые скобы.

На снимке ей было пять. Дед держал её на крыльце, а за ними виднелась дверь в комнату без окна — тогда ещё не заложённая шкафом. Лиза впервые заметила, что в глубине кадра стоял молодой Руднев. Он смотрел не в объектив, а на дорогу.

Она отнесла фотографию матери.

— Почему он здесь?

Ирина долго всматривалась.

— После Озёрного он несколько месяцев жил у отца. Помогал с описями.

— Ты знала?

— Знала, что жил. Не знала, что есть этот снимок.

— Он мог подложить письма?

— Мог иметь доступ к дому и старому почтовому мешку. Это ещё не значит, что подложил.

— Он знал про комнату Веры Павловны?

— Сегодня знал точно. Раньше — возможно.

Лиза забрала фотографию. Будущее письмо вдруг обрело слишком много возможных авторов в настоящем: учительницу, знавшую про сестру; Руднева, знавшего про рейс и дом; мать, способную подделать её почерк; её саму, способную забыть собственный замысел. Чем больше появлялось объяснений, тем сильнее письмо действовало.

В восемь вечера список ушёл в район по факсу. Аппарат в конторе шахты проглотил лист, зажужжал и выдал подтверждение. Лиза получила не билет, а тонкую бледную копию с расплывшимся временем передачи. Она сложила её в зелёную папку рядом с разорванными строками.

Ирина вернулась в архив. Лиза пошла с ней и до полуночи нумеровала копии. Они почти не говорили. Иногда мать подавала лист, дочь ставила номер, и этого хватало, чтобы работа не превращалась в примирение.

В одиннадцать сорок батарея под окном стала заметно холоднее.

— Павел говорил, давление гуляет, — сказала Лиза.

— Позвоню.

В котельной не ответили. Ирина набрала снова. Потом районную диспетчерскую — линия была занята.

— Может, он у котла, — сказала Лиза.

— Может.

Они продолжили нумеровать листы, но теперь прислушивались к трубам. В полночь внутри стены прошёл металлический стон. Не удар — длинное трение, будто дом медленно сдвинули по снегу.

Лиза закрыла зелёную папку.

— Если ночью станет холодно, школьный рейс уйдёт раньше?

— Возможно.

— Значит, моё письмо тоже могло всё изменить.

— Не письмо. Наши действия после него.

— Какая разница, если без него мы бы их не сделали?

Ирина сняла трубку. Гудка не было.

— Разница в том, кому потом отвечать.

Свет мигнул. Копировальный аппарат остановился, удерживая внутри половину листа. Через несколько секунд лампы загорелись, но слабее.

Ирина осторожно вытянула бумагу. На копии одна строка повторилась дважды, а следующая исчезла.

— Переделаем, — сказала она.

Лиза подошла к окну. Над котельной дым теперь стлался по земле. Ветер гнал его к школе и нижним домам. На снегу двигался свет фонаря — кто-то бежал от котельной к конторе.

До четырёх двадцати оставалось больше четырёх часов.

Письмо Павла велело ждать трёх ударов. Лизино — уехать первым рейсом. Оба указания уже вошли в журналы, списки, разговоры и чужие решения. Даже если больше ничего не произойдёт, вернуть утро, в котором их ещё никто не прочёл, было невозможно.

Телефон ожил коротким звонком и замолчал.

Ирина сняла трубку. На линии трещало.

— Котельная? Павел?

Ответа не было. Из труб снова донёсся звук — на этот раз короткий и глухой.

Один удар.

Лиза посмотрела на часы. Было двенадцать семнадцать.

Слишком рано.

Глава 6. Девятое число

Телефон ожил снова, когда второй удар ещё плыл по трубам.

Ирина схватила трубку. Вместо голоса там было шипение, потом два коротких гудка и далёкий крик, обращённый не к ней. Она назвала Павла, котельную, диспетчерскую. Линия ответила треском.

— Одевайся, — сказала она.

— Куда?

— В школу. Если тепло упало сразу в двух домах, детей могут собрать там.

— А ты?

— До котельной и обратно.

Лиза уже натягивала свитер. Серый, тот самый, который письмо велело взять на юг, оказался тесным в плечах. Она выдернула руки из рукавов и бросила его на стул.

— Я иду с тобой.

— Нет.

— Ты только что сказала, что решение об угрозе другим должно быть общим.

Ирина застегнула пальто не на те пуговицы, заметила и не стала поправлять.

— Об угрозе — да. О том, кто полезет под котлы, — нет.

Они вышли вместе. Спорить на крыльце было бессмысленно: Лиза уже закрыла дверь и убрала ключ в карман. Мороз не усилился, но улица казалась холоднее от одного знания, что батареи остывают. Над нижним кварталом окна горели почти во всех домах. Люди выходили на крыльца, смотрели на котельную и возвращались за шапками.

Оттуда бежал Коля Титов, сменщик Павла. Куртка на нём была распахнута, лицо блестело от пота.

— Телефон у вас работает? — крикнул он.

— Через раз. Что случилось?

— На основном тягу рвёт. Павел прикрыл подачу, давление просело. Резерв не трогаем.

— Из-за письма?

Коля посмотрел на Лизу, будто только теперь увидел её.

— Из-за того, что Павел приказал.

— Два удара были, — сказала Лиза. — В двенадцать семнадцать и сразу после.

— В котельной тоже слышали. Только не в резервном канале. По общей стене гуляет, не поймёшь откуда.

— А третий?

— Не было. И ждать его некогда.

Коля протянул Ирине листок с тремя номерами.

— Дозвонитесь Рудневу и в школу. Нижние восьмой и десятый корпуса отключаем от кольца, иначе посадим весь посёлок. Пусть открывают пункт обогрева. Скажите: не авария пока, а ограничение.

Последнее слово он произнёс с усилием, словно оно весило больше самой аварии.

— Почему Павел не запускает резерв после проверки снаружи? — спросила Ирина.

— Снаружи ничего не проверишь. Надо гасить основной, открывать шибер и лезть к ревизии. А если погасим, обратный запуск займёт час. Может, два.

— Если запустить резерв сейчас?

— Павел сказал не запускать.

— Я спрашиваю, что будет.

Коля провёл ладонью по мокрым волосам.

— Может, ничего. Может, дым пойдёт в зал. Мы этот канал с осени не гоняли под полной тягой.

Он побежал к конторе шахты, где оставалась прямая районная линия. Ирина повернула к дому.

— Ты же шла в котельную, — сказала Лиза.

— Теперь у нас есть поручение.

— Ты испугалась увидеть, что письмо право?

— Я испугалась мешать людям, которые знают котлы.

Телефон в доме работал. Ирина дозвонилась до школы, продиктовала Вере Павловне адреса. Та не переспросила, откуда сведения, только сказала, что откроет спортзал и пошлёт сторожа за ключами от склада одеял.

Руднев снял трубку после восьмого звонка.

— Кто дал команду отключить дома?

— Павел через Колю. Восьмой и десятый корпуса на нижней улице.

— На каком основании резерв стоит?

— На вашем вчерашнем решении соблюдать инструкцию.

— Я не решал его держать холодным при падении давления.

— Вы и не приказали запускать.

В трубке что-то ударило о стол.

— Ладога, сейчас не время для протокольных игр. Идите в школу.

— Я фиксирую время. Ноль двадцать семь: вам сообщено об отключении двух домов и незапущенном резерве.

— Фиксируйте. Я еду в котельную.

Он повесил трубку. Ирина записала время на обороте испорченной копии. Строка, которую аппарат повторил дважды, проходила теперь через её запись, и слова належали друг на друга.

— Ты нарочно сказала про приказ, — заметила Лиза.

— Чтобы он не смог потом сказать, что не знал.

— А Павел сможет сказать, что письмо приказало?

Ирина надела варежки.

— Письмо ничего не сможет сказать за него.

В восьмом корпусе жила семья Сафоновых и ещё одиннадцать семей, половина с детьми. Десятый заселили последним, когда закрывали северный барак; там оставались старики и те, кому обещали переселение первой очередью. К половине первого батареи в обоих домах были едва тёплыми, но слух успел остыть сильнее воды. По улице шли люди с узлами, кастрюлями, клеткой с канарейкой. Кто-то говорил, что котельная встала. Кто-то — что взорвался резервный котёл. Женщина в ватнике утверждала, будто письмо велело погасить весь посёлок к утру.

Ирина встала у школьного входа и повторяла каждому одно и то же:

— Основной котёл работает с ограничением. Два дома временно отключены. В школе тепло. Возьмите лекарства и документы, остальное потом.

— Откуда знаешь? — спрашивали её.

— От смены котельной.

— А письмо что написало?

— Письмо не сводка.

Эту фразу она сказала шесть раз. На седьмой пожилой Сафонов схватил её за рукав.

— У меня трубы прихватит, кто платить будет? Твой будущий кочегар?

— Сейчас в доме ещё выше нуля. Закройте форточки, спустите воду из летней кухни и идите в школу.

— Я никуда не пойду. В прошлый раз нас тоже на два часа выводили, а потом барак снесли без вещей.

Рядом стоял Руднев. Ирина не заметила, как он подошёл. На нём была меховая шапка без завязок и городское пальто поверх свитера.

— Дом никто не сносит, — сказал он. — Я лично дам расписку на доступ утром.

— Ты и на квартиру расписку давал.

— Тогда оставайтесь, но поставьте на плиту воду и не включайте самодельные нагреватели. При падении ниже десяти вас выведут принудительно.

Сафонов выпустил рукав Ирины.

— Вот видишь, — сказал он ей. — Без письма человек сам отвечает. А с письмом вы все друг на друга показываете.

Он пошёл обратно к дому.

Руднев дождался, пока тот отойдёт.

— Где Костровское письмо?

— У Павла.

— Вы читали?

— Он прочёл вслух при свидетелях. Не запускать резерв девятого декабря. В четыре двадцать ждать трёх ударов в дымоходе.

— Сейчас ноль сорок. Удары были?

— Два. Раньше времени.

— Значит, к его тексту они отношения не имеют.

— Или время в письме неверное.

— Тогда почему запрет должен быть верным?

Ирина не ответила. Руднев кивнул в сторону школы.

— Сорок три человека в двух домах. Если основной встанет, через три часа сюда придут четыреста. Я прикажу запуск резерва.

— Вы уверены, что канал цел?

— Нет. Поэтому Павел будет у пульта, а не гадать по конверту.

— Позвольте сначала остановить основной и проверить ревизию.

— Два часа без тепла.

— Или дым в котельной.

— Вы уже приняли сторону?

— Я повторила варианты.

— Нет, Ладога. Вы сделали из чужого страха порядок, а теперь порядок принимает решения вместо вас.

Он развернулся к машине. Лиза, державшая дверь школы, услышала весь разговор.

— Он прав? — спросила она.

— В чём?

— Ты придумала опись, чтобы не выбирать.

— Я придумала её, чтобы выбор не прятали.

— Павел всё равно спрятался за письмо.

— Тогда сейчас ему придётся выйти.

В школе пахло мокрой шерстью, мелом и подгоревшим супом. Вера Павловна устроила детей в младших классах, взрослых — в спортзале. На доске написала крупно: «ВОСЬМОЙ И ДЕСЯТЫЙ ДОМА. ВРЕМЕННО». Под словом «временно» кто-то уже приписал: «КАК ВСЁ ВЕТЛОВСК».

Лиза помогала переписывать жильцов. Ирина села возле телефона. Из котельной звонил Коля: Руднев приехал, требует запуск; Павел отказался без письменного распоряжения; тяга

на основном продолжает падать. В один ноль пять основной пришлось посадить ещё ниже. Температура обратной воды снижалась.

— Павел просит вас прийти, — сказал Коля.

— Зачем?

— Письмо хочет отдать. Говорит, вы заведовали описью — вы и запишите решение.

— Решение должен принять он.

— Так и передать?

— Передайте, что я приду как свидетель, не как начальник котельной.

Лиза услышала.

— Я останусь здесь, — сказала она прежде, чем мать успела приказать.

Ирина кивнула. Это короткое согласие оказалось тяжелее прежних запретов.

В котельной было жарко только у топки. В дальнем конце зала пар от дыхания уже не исчезал сразу. Основной котёл гудел неровно; временами гул проваливался, и тогда в металле проходил знакомый удар. Резерв стоял тёмный, как пустой дом.

Павел разложил на столе письмо, журнал смены и заводскую инструкцию. Руднев стоял напротив. Между ними лежал чистый бланк распоряжения.

— Прочти вслух, — сказал Павел Ирине.

— Зачем?

— Чтобы не я один слышал то, что хочу услышать.

Ирина прочла: не запускать резервный котёл в ночь на девятое; в четыре двадцать ждать трёх ударов; после третьего остановить основной и проверить дымовой канал. Ни слова о ранних ударах, падении тяги или двух домах.

— Теперь инструкцию, — сказал Руднев.

Павел прочёл пункт об аварийном вводе резерва. Перед растопкой требовались внешний осмотр, проверка шиберов и наличие тяги. Проверка внутреннего канала после длительного простоя проводилась при остановленном основном котле, потому что оба канала сходились в общей стене.

— Внешний осмотр был? — спросил Руднев.

— Был.

— Шибер ходит?

— Ходит.

— Тяга есть?

— Слабая, но есть.

— Значит, запускай.

— После внутренней проверки.

— Она не входит в аварийный минимум.

— Потому что аварийный минимум писали для исправной трубы.

— У тебя есть данные, что она неисправна?

Павел посмотрел на письмо.

— Нет.

— Тогда данные только о сорока трёх людях без тепла.

— И два удара в общей стене.

— Которые произошли не в то время.

— Металл часы не носит.

Руднев придвинул к нему бланк.

— Я беру ответственность. Запускай.

Павел не взял бумагу.

— Вы берёте ответственность за приказ. Рычаг всё равно поверну я.

Гул снова провалился. На приборной доске дрогнула стрелка. Коля выругался без слова и прикрыл подачу.

— Ещё так два раза, и он сам погаснет, — сказал он.

Ирина посмотрела на часы: один двадцать три. До назначенных письмом ударов было почти три часа. Ждать означало согласиться на охлаждение всего кольца. Запускать — считать отсутствие доказанной неисправности доказательством исправности.

— Есть третий путь? — спросила она.

— Всегда есть, пока котёл не взорвался, — ответил Павел. — Гасим основной управляемо. Проверяем оба канала. Если чисто — растапливаем резерв, потом возвращаем основной. Полтора часа при удаче.

— При неудаче?

— Три. Может, больше.

— Весь посёлок без подачи?

— На остаточном тепле. Школа продержится, верхние дома тоже. Нижние уже отключены.

Руднев покачал головой.

— Ты предлагаешь гарантированно остановить тепло из-за возможности, которую подсунули в конверте.

— Я предлагаю проверить канал после двух ударов и слабой тяги.

— Без письма ты бы это сделал?

Павел долго молчал. Котёл заполнил молчание собственным дыханием.

— Без письма я бы час назад запустил резерв, — сказал он. — И, может, всё бы работало. А может, мы бы сейчас отсюда ползли.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он повернулся к Ирине.

— Пиши. В один двадцать семь решил провести контролируемую остановку основного для осмотра общего и резервного каналов. Основания: падение тяги, два неустановленных удара, длительный простой резерва. Письмо — отдельно, как полученное предупреждение, не как техническое основание.

— А последствия? — спросила Ирина.

— Впишешь после.

Руднев взял чистый бланк, перечеркнул его и на обороте написал: «Возражаю против полной остановки. Требую обеспечить пункт обогрева и слив воды в отключённых корпусах». Поставил время и подпись.

— Теперь у всех чистые руки? — спросил он.

— Нет, — сказал Павел. — Теперь на руках чернила.

Основной котёл гасили медленно. Гул стал ниже, потом распался на отдельные шумы: вентилятор, насос, шорох угля. Когда пламя ушло, котельная словно увеличилась. Стены приблизились не сразу; сначала стало слышно, как по ним осыпается мелкая крошка.

Третий удар прозвучал в два ноль девять.

Он пришёл не из трубы, а будто из пола. Все четверо подняли головы.

— Вот тебе три, — сказал Коля.

— В неправильное время, — ответил Руднев.

— Зато после остановки, — сказал Павел.

Каждый мог выбрать подходящую половину совпадения.

Павел и Коля открыли нижнюю ревизию. Из щели дохнуло холодной сажей. Они работали при переносной лампе, не подпуская Ирину ближе жёлтой черты на полу. Сначала достали комья старой золы, потом кусок кирпича размером с ладонь.

— Мог сверху упасть давно, — сказал Коля.

Павел посветил внутрь и попросил зеркало на рукояти. Долго менял угол. Потом лёг на колени.

— Не трогай шибер.

— Что там?

— Свет.

— Какой ещё свет?

— С улицы.

Они вышли во двор. За котельной снег доходил до окон, ветер прижал дым к земле. Павел расчистил лопатой стену возле резервного канала. Под наледью обнаружилась тонкая чёрная линия. Она шла от угла старой кладки вверх, терялась под железным кожухом и снова появлялась на два кирпича выше.

Коля приложил ладонь, тут же отдёрнул её.

— Тянет.

Павел вернулся внутрь и поставил у ревизии лампу. Снаружи в трещине показалась жёлтая точка.

Никто не произнёс слово «письмо» первым.

Руднев нагнулся, осмотрел линию, провёл по ней ногтем. Из шва посыпался раствор.

— Когда появилась?

— После осеннего осмотра или мы её пропустили, — сказал Павел.

— От ударов?

— Удары могли быть кирпичом внутри. Трещина могла дать их. Основной канал мог раскатать общую стену. Мог мороз.

— Если бы запустили?

— Под полной тягой дым пошёл бы в зал или в перекрытие. Насколько быстро — не знаю.

— Пожар?

— Может быть. Угар — раньше.

Руднев выпрямился.

— Значит, Костров был прав.

— В чём именно? — спросила Ирина.

— Не запускать.

— А два дома?

— Дома остались целы.

— Людей из них вывели потому, что резерв не запустили.

Павел закрыл ревизию.

— Если хотите найти одного виноватого, подождите утра. К тому времени виноват будет мороз.

Вернувшись в школу, Ирина увидела, что спортзал заполнился. Пришли жители ещё трёх домов: после полной остановки батареи начали остывать по всему посёлку. Дежурная электроплитка грела два ведра воды. Дети спали поперёк матов. Канарейку поставили возле радиатора; птица молчала, накрыв голову крылом.

Вера Павловна подошла с тетрадью.

— В десятом корпусе у Клавдии Михайловны приступ. Фельдшер говорит, не от холода, но холод не помог. В восьмом Сафонов отказался уходить. У него на кухне потекло соединение после слива. Ещё трое вернулись за вещами без разрешения.

— Трещину нашли, — сказала Ирина. — Резерв запускать было нельзя.

Вера Павловна посмотрела не на неё, а на людей в зале.

— Им это сейчас поможет согреться?

— Нет.

— Тогда скажи обе новости рядом.

Руднев уже встал у доски. Он зачеркнул слово «временно» и написал время: «ПОДАЧА ТЕПЛА — ОРИЕНТИРОВОЧНО 6:00». Люди окружили его.

— Резервный дымоход повреждён, — сказал он. — Запуск мог привести к задымлению котельной. Сейчас основной готовят к повторному пуску. Два нижних корпуса останутся отключены до дневного осмотра. Остальные начнут прогреваться после шести.

— Кто его сломал? — спросили из толпы.

— Причина неизвестна.

— Письмо знало?

Руднев посмотрел на Ирину. Она поняла, что он мог ответить как угодно: присвоить спасение комиссии, обвинить Павла в задержке, признать предсказание. Каждый вариант немедленно стал бы распоряжением для следующих адресатов.

— Письмо заставило смену отложить запуск, — сказал он. — Из-за задержки мы потеряли тепло. Во время проверки нашли трещину. Что из этого причина, а что совпадение, комиссия не установила.

— А если бы не письмо?

— Тогда проверку не провели бы этой ночью.

— Значит, оно спасло котельную.

— Или человек, который знал о трещине, добился остановки, — сказал Сафонов от двери.

На его рукаве темнела вода.

— Кто знал? — спросила Вера Павловна.

— Тот, кто написал.

Толпа заговорила сразу. Теперь письмо стало не чудом, а уликой, и от этого опаснее. Павла требовали позвать в школу. Кто-то вспомнил осеннюю ремонтную бригаду. Кто-то сказал, что Руднев хотел быстрее выселить нижние дома и нарочно держал их без тепла. Женщина с клеткой спросила, появятся ли письма о других авариях.

Ирина поднялась на ступеньку возле сцены.

— В закрытой описи будет записано: письмо получено, запрет прочитан до решения, резерв не запущен, два дома отключены, при проверке обнаружена трещина. Не будет записано, что письмо спасло нас. И не будет записано, что оно виновато в холоде. Это выводы, а не события.

— Кому нужна твоя разница? — крикнул Сафонов.

— Тому, кого завтра заставят выполнить следующее письмо.

В зале стало тише.

— Или тому, кто завтра откажется, — добавила Лиза.

Она стояла у стены с регистрационной тетрадью в руках. Ирина не знала, давно ли дочь вошла и слышала ли разговор о трещине.

— Моё письмо велело уехать, — продолжила Лиза. — Если автобус доедет, это не докажет, что письмо было право. Если не доедет — тоже. Я всё равно должна решить сама.

— Тебе пятнадцать, — сказал кто-то.

— Поэтому за меня подписала мать. Но прочла письмо я.

Руднев снял шапку.

— На сегодня хватит собрания. Вера Павловна распределит места. Комиссия обеспечит чай, транспорт для фельдшера и доступ в дома после рассвета.

— А письмо? — не отставал Сафонов.

— Письмо котёл не починит.

К четырём двадцати в школе никто не спал, кроме детей. В назначенное время люди замолчали сами, хотя дымоход находился через две улицы и услышать его было невозможно. Секундная стрелка школьных часов прошла полный круг. Ничего не ударило.

Потом в раздевалке упала с крючка металлическая вешалка.

Несколько человек вздрогнули. Кто-то засмеялся. Смех вышел коротким и злым.

— Четвёртый, — сказал Сафонов.

Ирина записала в описи: «В 4:20 ударов в котельной не зафиксировано». Рядом оставила место для подписи Павла.

Лиза заглянула через плечо.

— Ты всё-таки составила акт на будущее.

— На одну минуту настоящего.

— Удобно.

— Нет. Удобно было бы написать, что письмо сбылось.

В пять сорок семь зашумели батареи в верхнем крыле школы. Сначала по трубам побежала вода, потом металл начал щёлкать, расширяясь. Каждый щелчок был похож на маленький удар, и никто больше не считал.

Павел пришёл в шесть десять. На лице у него лежала сажа, брови побелели от инея. Он подписал запись и добавил своей рукой: «Основной котёл повторно запущен в 5:31. Резерв выведен из эксплуатации до ремонта дымового канала».

— Почему удары были раньше? — спросила Лиза.

— Потому что кирпич не умеет читать часы.

— А письмо?

Павел достал конверт. За ночь он смялся в кармане.

— Я тоже не умею читать его так, чтобы не додумывать половину.

Он протянул письмо Ирине.

— Храните до ремонта. Потом верните.

— Оно ваше.

— Именно поэтому прошу хранить. Если оставлю у себя, при каждом звуке буду искать следующую команду.

Ирина вложила конверт в прозрачную папку вместе с карточкой описи. Не как доказательство будущего — как вещь, повлиявшую на решение.

Утром нижние дома покрылись инеем изнутри. В восьмом корпусе лопнуло соединение на кухонном стояке Сафонова; вода затопила две квартиры, прежде чем её перекрыли. В десятом разморозилась труба в пустующей комнате. Людей оставили в школе ещё на сутки, а их вещи перенесли в сухие классы.

Трещину в дымоходе обвели красной краской и датировали девятым декабря. Руднев вызвал ремонтников с рудника, но машина могла прийти только после расчистки дороги. В журнале котельной появились четыре подписи и ни одной строки о том, кто был прав.

Ирина вернулась домой после девяти. В комнатах было холодно, но батареи уже теплели. На кухонном столе лежал серый свитер Лизы. Рядом — фотография с дедом и молодым Рудневым. В ночной спешке Лиза не убрала её в зелёную папку.

На снимке за их спинами темнела дверь фотолаборатории. Ирина поднесла фотографию к окну. Она всегда считала помещение комнатой без окна, потому что отец заложил наружный проём кирпичом. Но на старом снимке у двери был виден ещё один косяк, узкий, почти скрытый стеллажом. Не окно — проход вглубь.

Она пошла в фотолабораторию. У дальней стены стояли коробки с негативами, которые они ночью не успели скопировать. За ними штукатурка отличалась цветом. Ирина сняла верхнюю коробку. На стене проступил прямоугольник заложённой двери, меньшей, чем первая.

Дом хранил не одну комнату без окна.

Из прихожей позвала Лиза:

— Мама, в школе сказали, нижние дома могут не подключить до переселения.

Ирина вернула коробку на место.

— Сейчас приду.

— Ты опять что-то нашла?

— Дверь.

Лиза появилась на пороге.

— Письмо знало и это?

Ирина посмотрела на серый прямоугольник стены. После ночи в котельной вопрос звучал иначе. Знать о трещине мог ремонтник. Знать о скрытой двери мог отец, Руднев, любой, кто жил в доме до неё. Но письмо знало ровно столько, сколько требовалось, чтобы она сама начала искать.

— Пока только мы знаем, — сказала она. — И этого достаточно, чтобы решить, открывать ли.

Глава 7. Комната без окна

Открывать решили после сна, но уснуть не смогли.

Дом прогрелся медленно. В трубах ещё журчала вода, штукатурка возле батарей темнела влажными пятнами. Ирина лежала поверх одеяла и видела перед собой чёрный прямоугольник на стене фотолаборатории. Письмо не говорило вскрывать дверь. Оно велело не отдавать дом, пока комната без окна не будет найдена. Формально условие уже выполнено: первая фотолаборатория не имела окна с тех пор, как отец заложил его кирпичом. Но теперь за ней обнаружилась другая дверь, и исполненное указание снова превращалось в незавершённое.

В соседней комнате скрипнула кровать.

— Ты тоже не спишь? — спросила Лиза.

— Сплю.

— Тогда не отвечай.

Через минуту дочь пришла с одеялом и села у печи. Ирина поставила чайник. В четыре двадцать они ждали ударов в школьном спортзале, в пять сорок семь слушали, как оживают батареи, а теперь было без четверти одиннадцать утра. Девятое число продолжалось дольше суток.

— Если там ещё одна комната, комиссия её не описала, — сказала Лиза.

— Комиссия описывала площадь по техпаспорту.

— Значит, в техпаспорте она есть?

— Если есть, я должна была заметить.

Ирина достала из буфета папку на дом. План был вычерчен синими линиями и заверен в 1976 году. За фотолабораторией значилась кладовая шириной полтора метра. В экспликации — три целых и две десятых квадратного метра. Позднее красным карандашом кто-то провёл стену поперёк и написал: «объединено». Подпись отсутствовала.

— Не комната, — сказала Лиза. — Шкаф размером с купе.

— В доме, где всё считают, три метра не исчезают просто так.

— У нас целый посёлок исчезает по бумагам.

Ирина сложила план.

— До вскрытия позовём свидетеля.

— Руднева?

— Георгия. И составим акт.

Лиза закатила глаза.

— Конечно.

— Если найдём документы прежнего выселения, они не должны стать только нашей семейной тайной.

— А если письма?

— Тогда сначала решим, кому они адресованы.

Георгий пришёл около полудня с ломиком, молотком и почтовой сумкой. После ночной аварии он разносил извещения ремонтникам и согласился зайти на двадцать минут. Увидев контур, сразу опустился на корточки и провёл пальцем по шву.

— Не кирпич. Доска под штукатуркой.

— Ты знал? — спросила Лиза.

— Я в этом доме последний раз был, когда у тебя зубов не было. Фотографироваться приходил. Твой дед нас на удостоверения снимал.

— Руднев тоже приходил?

— Он здесь почти жил после Озёрного.

Ирина положила на стол чистый лист и начала акт вскрытия.

— Может, сначала откроем? — спросил Георгий.

— Сначала фиксируем, что стена цела.

— После котельной все полюбили бумагу.

— После котельной бумага хотя бы не врёт, что согрела дом.

Они сняли коробки с негативами. За нижней обнаружилась железная скоба, утопленная в штукатурку. Георгий поддел край ломиком. Покрытие треснуло ровно по прямоугольнику, посыпалось на пол. Под ним была обитая жестью дверь без ручки.

— От огня, — сказал он. — Или от чужих рук.

Замок находился снаружи, но скважину залепили воском. Ирина вспомнила ключ с биркой «ФЛ», найденный в отцовском столе. Ключ открыл первую фотолабораторию; после этого она оставила его в кармане рабочего халата. Он вошёл и в этот замок, но не повернулся.

— Один ключ к двум дверям не обязан подходить, — сказала Лиза.

Георгий посветил сбоку.

— Тут не заперто. Ригель снят, дверь держит краска.

Он осторожно провёл ножом по краю. Дверь отошла с сухим вздохом, вытолкнув полосу пыли. За ней оказался узкий проход. Воздух пах железом, старой бумагой и кислой фотохимией.

Комната действительно не имела окна. Не заложенного — никакого. Потолок снижался к наружной стене, так что взрослому приходилось наклонять голову. Вдоль стен стояли деревянные ящики. На полках — банки с проявителем, рулоны чёрной бумаги, кассеты для плёнки. В углу лежал свёрнутый экран, а над ним висела верёвка с ржавыми зажимами.

Лиза шагнула внутрь.

— Подожди.

Ирина проверила пол фонарём. Доски были сухими, кроме тёмного пятна у трубы. Она записала время, состояние двери и количество ящиков: семь больших, четыре малых, металлическая коробка.

— Ты теперь каждую банку считать будешь? — спросил Георгий.

— Пока не знаю, что здесь, буду.

На первом ящике мелом было написано «ОЗ. ОБЩ.». Во втором — «ОЗ. ВЫЕЗД». На третьем — фамилии: «САВЕЛЬЕВЫ. РУДНЕВЫ. ЛИСТОВЫ». Почерк принадлежал отцу Ирины.

Она сняла крышку первого ящика. Внутри стояли конверты с негативами, переложенные калькой. Даты шли от двадцать третьего ноября до второго декабря 1977 года. Не 1989-го, как Ирина сказала Лизе по памяти, а на двадцать лет раньше нынешней зимы. Отец не просто хранил документы эвакуации Озёрного — он снимал её день за днём.

— У тебя осталось двадцать минут? — спросила Ирина Георгия.

— Уже нет. Но письма подождут.

Он закрыл входную дверь дома на засов и поставил сумку на пол.

Просматривать негативы в маленькой комнате было неудобно. Они перенесли ящики в фотолабораторию, зажгли красную лампу и достали контактную рамку. Отец оставил реактивы, но пользоваться ими после стольких лет Ирина не стала. Она держала полосы против света, Лиза записывала номера кадров, Георгий угадывал людей.

На первых плёнках были дома Озёрного, похожие на Ветловск так, словно один посёлок строили по памяти о другом: клуб с колоннами, котельная, школа, два ряда барачков. Потом появились грузовики, штабеля ящиков, женщины возле списков.

— Это Руднев, — сказал Георгий.

Молодой Семён стоял у автобуса в меховой куртке, слишком большой для него. В одной руке держал планшет, другой закрывал дверь. Перед автобусом теснились люди. По снимку нельзя было понять, не пускал он их внутрь или удерживал дверь, чтобы кто-то не выпал.

На следующем кадре он разговаривал с отцом Ирины. Отец показывал на список, Руднев смотрел в сторону дороги. На третьем автобус уже уходил, а возле клуба оставались семь человек с вещами.

— Его сестра была среди оставшихся? — спросила Лиза.

— Не знаю, — ответил Георгий.

— Ты говорил, что помнишь Озёрный.

— Помню слухи. Люди тогда не рассказывали по порядку. Каждый рассказывал место, где стоял сам.

В металлической коробке лежали не негативы, а документы. Ведомости посадки, списки семей, медицинские справки, талоны на багаж. Верхний список был машинописным, с печатью районного исполкома. Фамилии шли по номерам квартир. Рядом — второй, написанный отцовской рукой. В нём семьи с детьми были подняты наверх, одинокие взрослые опущены вниз. Несколько строк перечёркнуты.

— Это разные рейсы? — спросила Лиза.

— Один день, — сказала Ирина. — Время отправления совпадает.

Внизу второго списка стояли две подписи: отца и молодого Руднева. Между ними приписка: «Порядок изменён по состоянию дороги и температуре, дети первыми». Печати не было.

Георгий нашёл третий лист. На нём красным карандашом было отмечено: первый автобус — тридцать восемь мест, второй — тридцать четыре. Напротив второго стояло: «не прибыл». Ниже другим почерком: «колонна возвращена с 17 км».

— Почему? — спросила Лиза.

Ирина развернула газетную вырезку. Короткая заметка сообщала о закрытии зимника из-за метели. Ни Озёрный, ни люди в ней не упоминались.

— Значит, отец вывез детей, — сказала Лиза. — А остальные застряли.

— Он изменил утверждённый порядок.

— И правильно сделал.

— Мы ещё не знаем, кого оставил.

— Какая разница, если дети уехали?

Ирина подняла следующий список. Среди оставшихся значилась Валентина Руднева, двадцать два года, медсестра. Напротив фамилии стояло: «уступила место С. Листовой, 7 лет». Ниже карандашом: «лекарства при ней».

— Она сама уступила, — сказала Лиза.

— Возможно.

— Здесь написано.

— Записал мой отец после отправления автобуса. Подписи Валентины нет.

— Ты всегда ищешь, почему хороший поступок мог быть не хорошим.

— Я ищу, чей он был.

Георгий молча разложил ещё четыре кадра. На одном Валентина Руднева стояла рядом с девочкой в белой шапке. На другом девочка сидела у окна автобуса, а Валентина снаружи держала ладонь на стекле. Третий кадр был смазан: Руднев тянул сестру к двери, отец Ирины удерживал его за плечо. Четвёртый показывал автобус на дороге.

Ни один снимок не сохранял звук. Нельзя было узнать, просила ли Валентина оставить её, приказывал ли отец, умолял ли Руднев поменять порядок. Но последовательность была яснее любого позднего рассказа: место девочке досталось, Валентине — нет.

— Она умерла? — тихо спросила Лиза.

— Руднев говорил, что потерял сестру при эвакуации, — ответила Ирина. — Не говорил как.

В отдельном конверте лежали фотографии после метели. Люди спали в клубе, топили железную печь, разбирали доски со сцены. На последнем снимке Руднев сидел на ступенях, закрыв лицо руками. Рядом стоял отец Ирины, но не касался его.

— Если он это видел, понятно, почему торопит нас, — сказала Лиза.

— Понятно — не значит правильно.

— Но ты же требовала разумную причину.

— Я требовала, чтобы он называл риски, а не распоряжался нашей памятью.

— Может, он не может назвать.

Ирина посмотрела на отцовскую подпись. Ей хотелось увидеть в ней решительность человека, спасшего детей. Вместо этого она видела только знакомый наклон букв и чужое право переставлять фамилии.

— Тогда он всё равно распоряжается, — сказала она.

В последнем ящике были не плёнки, а толстые школьные тетради. Отец записывал показания жителей Озёрного через год после переселения. Каждая запись начиналась одинаково: фамилия, новый адрес, состав семьи, утерянные документы. Дальше голоса расходились.

Одна женщина благодарила за то, что её сына вывезли первым рейсом. Мужчина обвинял комиссию в гибели матери, оставленной в клубе. Семья Листовых писала, что девочка Саша выжила благодаря месту Валентины, но после переезда отец ушёл из семьи. Кто-то потерял трудовую книжку и пять лет доказывал северный стаж. Кто-то получил квартиру, но вернулся в барак, потому что на новом месте не было работы.

— Это архив? — спросила Лиза.

— Нет. Личные записи. Официально таких опросов не проводили.

— Значит, дед хотел сохранить правду.

— Или оправдание.

В конце первой тетради лежал сложенный лист без даты. Отец писал Ирине, но не отправил:

«Ты спрашиваешь, почему я не уехал после шахты. Потому что однажды уже выбрал за людей дорогу и потом слушал двадцать лет, как каждый называет мой выбор своим спасением или своей потерей. Я остался не из верности месту. Я остался, потому что здесь никто не требовал решить, кем я был».

Лиза дочитала через плечо.

— Когда ты его спрашивала?

— После твоего рождения. Мне предлагали работу в области. Я хотела, чтобы он поехал с нами.

— Почему мы не уехали без него?

Ирина сложила лист по старым сгибам.

— Я сказала себе, что ему нельзя одному. Потом ты заболела, потом закрыли дорогу, потом умерла мама. Причины всегда находились вовремя.

— А письмо теперь ещё одна причина.

— Да.

В дверь дома постучали. Георгий быстро накрыл документы чёрной тканью. Ирина вышла из фотолаборатории и увидела Руднева.

— Мне сказали, Георгий бросил доставку и сидит у вас, — произнёс он. — Нижние дома требуют акты на ущерб. Архивные копии для школьного рейса не готовы.

— Мы нашли документы Озёрного.

Он перестал снимать перчатки.

— Где?

— В комнате за фотолабораторией.

— Какой комнате?

— Три и две десятых квадратного метра, вычеркнутые из плана без подписи.

Руднев прошёл в дом, не дожидаясь приглашения. Увидев открытую железную дверь, остановился. Его лицо изменилось раньше, чем он рассмотрел содержимое.

— Я думал, он всё уничтожил.

— Что именно?

— Негативы.

— Почему должен был?

Руднев посмотрел на Георгия и Лизу.

— Нам нужно поговорить вдвоём.

— Нет, — сказала Ирина. — Документы найдены при свидетелях.

— Это не документы комиссии.

— Здесь ведомости с вашей подписью.

Она показала изменённый список. Руднев не взял лист.

— Подпись моя.

— Валентина сама уступила место?

— Да.

— Почему нет её подписи?

— Потому что автобус уходил, а не нотариус приезжал.

— Отец изменил список до её решения или после?

Руднев сел на табурет. В маленькой фотолаборатории его колени почти касались стола.

— Районный список был составлен по домам. Сначала северная улица, потом семьи работников котельной, потом остальные. Когда стало ясно, что второй автобус задерживается, твой отец решил посадить детей и тех, кому требовалось лечение. Валя была в первом списке как медсестра. Она отдала место девочке.

— Добровольно?

— Я пытался её вытащить из очереди. Она ударила меня. Этого кадра у вас нет?

Лиза нашла смазанный негатив.

— Есть, где дед держит вас.

— Потому что я хотел остановить автобус. Если бы остановил, никто бы не уехал до метели.

— Что случилось с Валентиной? — спросила Ирина.

Руднев провёл пальцем по краю стола.

— В клубе начался пожар. Печь поставили слишком близко к сцене. Людей вывели, но она вернулась за сумкой с лекарствами. Перекрытие обрушилось. Не сразу. Через три дня после автобуса.

Лиза села рядом с матерью.

— Девочка выжила?

— Да. Я видел её один раз, взрослую. Она сказала, что благодарна Вале. Я не смог ответить.

— Поэтому вы хотите вывезти Ветловск до закрытия дороги, — сказала Ирина.

— Поэтому я не считаю ожидание нравственным преимуществом.

— А письма?

— Письма дают людям то, чего не было у нас: видимость знания. От неё они будут ждать больше, рисковать точнее и обвинять увереннее.

— Павел не запустил резерв, и мы нашли трещину.

— А Сафонов потерял квартиру. Если бы там погиб человек, письмо всё равно назвали бы спасительным?

Ирина не ответила.

Руднев встал и наконец взял список.

— Ваш отец обещал сжечь негативы после того, как район подтвердит стаж оставшихся. Подтвердили не всем. Он оставил материалы как рычаг.

— Против кого?

— Против меня, района, себя — не знаю. Мы перестали разговаривать об этом через год.

— Почему комнату заложили?

— Чтобы при обыске не нашли тетради. Один из оставшихся написал в прокуратуру, что список подменили. Подмена была. Только не ради квартир и не ради знакомых. Проверяющие искали уголовное дело, район — способ закрыть жалобу, люди — виновного. Ваш отец спрятал всё, пока не решит, отдавать ли.

— И не решил.

— Решил оставить вам.

— Он не сказал мне о комнате.

Руднев посмотрел на открытую дверь.

— Значит, оставил не вам. Оставил дому.

Фраза прозвучала почти как письмо, и Ирина ощутила к ней недоверие именно поэтому.

— Вы знали о ключе «ФЛ»?

— Фотолаборатория. Я сам сделал бирку.

— Он не открывает внутреннюю дверь.

— Там никогда не было второго замка. Жесть поставили, чтобы мыши не прошли и огонь задержать.

— Вы могли войти сюда в последние месяцы?

Руднев понял вопрос.

— И подложить ваше письмо? Мог войти в дом, пока помогал комиссии с замерах. В эту комнату — нет. Я считал её закованной. Будущего штампа у меня тоже нет.

— Списанный датель можно переставить.

— Тогда напишите в описи: Руднев имел возможность. Вы ведь для этого её придумали.

— Чтобы не превращать возможность в вину.

— Посмотрим, надолго ли хватит разницы.

Он попросил копию ведомости и фотографий. Ирина отказалась отдавать оригиналы, но согласилась сделать комплект вместе с архивными ящиками для района. Руднев не спорил. Перед уходом остановился у двери.

— Лиза, на снимке у автобуса я закрываю дверь не от людей. Замок не держал, её могло распахнуть на дороге.

— Я не спрашивала.

— Спросишь потом, когда уже выберешь ответ.

После его ухода они составили полную опись находки. Георгий вернулся к почте, забрав извещения. Лиза нумеровала коробки. Ирина вынесла тетради в архивную комнату дома, но не смешала с официальными фондами: происхождение и статус документов требовали отдельной записи.

Первое письмо лежало в запёртом ящике стола. Ирина достала его и перечитала у открытой двери: «Не отдавай дом, пока не найдёшь комнату без окна».

Комната найдена. В ней оказались доказательства того, что отец спас одних, оставив других; что Руднев торопит посёлок не только ради отчёта; что память сохраняет поступок, но не делает его невиновным. Письмо выполнило обещание, если обещало знание. Но оно не говорило, что делать после.

— Теперь отдашь дом? — спросила Лиза.

— Не сегодня.

— Почему? Условие выполнено.

Ирина положила рядом технический план.

— Потому что документы нужно скопировать и передать так, чтобы они не исчезли второй раз.

— Это займёт сколько?

— Два дня.

— А потом?

— Подпишу акт осмотра. Решение о доме приму без письма.

— Ты умеешь отличить?

— Нет. Но могу назвать, что изменилось из-за него.

Лиза достала из зелёной папки фотографию с дедом. Положила рядом с найденными кадрами. На семейном снимке молодой Руднев смотрел на дорогу; теперь стало ясно, какую именно дорогу он продолжал видеть.

— Я возьму эту фотографию на юг, — сказала она.

— Возьми.

— Даже если она нужна архиву?

— Это наша фотография. Архиву сделаем копию.

— А тетради чьи?

— Людей, которые говорили. Пока мы только храним.

Лиза кивнула и убрала снимок. Потом подняла первый конверт Ирины за край.

— А это чьё?

— Моё.

— Тогда можешь выбросить.

— Могу.

Ирина вернула письмо в ящик.

— Но не выбросишь.

— Пока нет.

Они работали до вечера. Внешний свет уходил из фотолаборатории, красная лампа делала лица плоскими и незнакомыми. Проявлять старые плёнки не требовалось: отец уже оставил контактные отпечатки в последней коробке. На одном листе было восемь кадров эвакуационного автобуса. Девятый прямоугольник оставался белым.

На обороте отец написал: «Последний кадр не снят. Плёнка закончилась после отправления».

Лиза провела пальцем по пустому месту.

— Как письмо, которого ещё нет.

— Нет, — сказала Ирина. — Здесь мы знаем, почему пусто.

— Знаем со слов деда.

Ирина хотела возразить и не стала. Она внесла белый кадр в опись наравне с остальными.

Когда стемнело, Георгий вернулся. В почтовой сумке у него лежало семь конвертов без входящего штемпеля.

— Шкаф снова открыл, — сказал он. — Сам. При мне и Алевтине Николаевне.

Он поставил сумку на стол, но не вынул письма.

— Кому? — спросила Ирина.

— Разным. Два адреса из нижних домов. Один Рудневу. Один вам.

— Мне уже было.

— Теперь ещё одно.

За стеной тихо щёлкнула батарея. Лиза посмотрела на металлическую дверь комнаты без окна, потом на материнский стол.

— Будешь открывать?

Ирина закрыла ящик с первым письмом на ключ.

— Сначала запишем, что они пришли.

Глава 8. Правило чтения

Алевтина Николаевна пришла через двадцать минут, в валенках поверх шерстяных чулок и с библиотечной книгой учёта под мышкой. Георгий ждал её у двери, не снимая почтовой сумки. Семь конвертов лежали внутри, и оттого сумка казалась не служебной вещью, а переносным сейфом, хотя замок у неё был такой, что открывался ногтем.

— У нас в читальном зале теплее, — сказала Алевтина, стряхивая снег с платка. — И стол большой.

— Здесь найдено, здесь и записываем, — ответила Ирина.

Она открыла дверь в фотолабораторию, проверила ключ в ящике с первым письмом и расчистила кухонный стол. Найденные ведомости Озёрного пришлось перенести на подоконник. Получалось, что одни чужие судьбы уступали место другим ещё до того, как кто-либо прочёл хоть строчку.

Лиза принесла из сеней керосиновую лампу. Электрическая горела ровно, но после аварии никто уже не доверял ровному свету. Она поставила лампу рядом с локтем матери и осталась стоять.

— Ты не участвуешь, — сказала Ирина.

— Моё письмо у вас в описи.

— Поэтому не участвуешь. Мы будем видеть чужие адреса.

— Адреса написаны на конвертах. Их полпосёлка увидит, пока Георгий разнесёт.

Георгий снял сумку и положил её на табурет.

— Разносить сегодня не буду. Время позднее.

— Тем более, — сказала Лиза. — До утра они лежат здесь, а мне предлагается сделать вид, что я не знаю.

Алевтина сняла очки, подышала на стёкла и протёрла краем кофты.

— Если правило начинается с того, что мы выгоняем человека, чьё письмо уже прочитали взрослые, правило плохое.

— Я её письмо не читала целиком, — сказала Ирина.

Лиза посмотрела на неё слишком быстро. В этом движении снова мелькнула скрытая половина листа, о которой Ирина догадывалась, но не спрашивала.

— Оставим, — решил Георгий. — Только без записи адресов по памяти и разговоров в школе.

— Вы уже помните, — сказала Лиза.

— Потому и прошу.

Ирина достала закрытую опись. В ней было три записи: её первое письмо, письмо Павла Кострова и письмо Лизы. Последняя строка о письме дочери оставалась короче остальных: дата обнаружения, состояние конверта, имя адресата, факт передачи. Содержания Лиза не сообщила, а Ирина внесла только действие, затронувшее других: просьбу о месте в школьном рейсе и подписанное согласие.

— Начинаем с мешка, — сказала она. — Георгий, говори только то, что видел сам.

Он рассказал. После ухода из дома Ладоги он вернулся на почту, чтобы забрать извещения для нижних домов. Алевтина ждала его у крыльца: в библиотеке протекло окно, и ей нужен был старый упаковочный картон. Они вошли вместе. Дверь сортировочной была заперта, пломба на внутреннем шкафу отсутствовала — после первого случая Георгий её не ставил, потому что хотел заменить проволоку. Створка шкафа оказалась приоткрыта. Внутри, на пустой средней полке, лежали семь конвертов.

— Свет включили до того, как подошли? — спросила Ирина.

— В коридоре включил. В сортировочной лампа перегорела утром.

— Кто мог войти между окончанием смены и вашим возвращением?

— Я не закрывал наружную дверь минут десять, пока относил мешок водителю. В зале были Рая Мухина, Игнат Сиверцев и двое из ремонтной бригады. Потом всех выпроводил и запер.

— То есть мог любой из них.

— Или тот, у кого есть дубликат.

— Дубликаты у района и у отделения связи, — сказала Алевтина. — Ещё у уборщицы был ключ, пока уборщица была.

— Замок меняли после её отъезда, — возразил Георгий.

Ирина записала время не цифрой, а промежутком: «после 16:40, до 18:05». Точность, которой не было, не следовало выдумывать ради аккуратной графы.

Георгий надел почтовые перчатки. Он вынул конверты по одному, называя адресатов. Первый — Анне и Виктору Ковалёвым, улица Речная, дом четыре. Второй — семье Сафоновых, Речная, шесть, где после ночной аварии разморозило трубы. Третий — Алевтине Николаевне Вороновой. Четвёртый — Семёну Аркадьевичу Рудневу. Пятый — Ирине. Шестой — Аркадию Белову, водителю зимника. Седьмой — супругам Надежде и Михаилу Корягиным.

На каждом стоял мартовский штемпель районного узла. Дни различались: двенадцатое, семнадцатое, двадцать первое, двадцать восьмое. Год был нынешний — если считать нынешним март, который ещё не наступил.

— У Корягиных сын в районе, — сказала Алевтина. — Он мог отправить обычное письмо и попросить переставить дату.

— Их почерк? — спросила Ирина.

— Не знаю. И знать до них не хочу.

Ирина повернула к ней третий конверт. Адрес был выведен синими чернилами крупно и прямо, будто человек старался не выдать дрожь руки.

— Ваш.

— Вижу.

— Забираете сейчас?

Алевтина протянула ладонь, но остановилась над столом.

— Если заберу, вы запишете, что я прочла?

— Только с ваших слов.

— А если не скажу?

— Значит, в описи будет передача без отметки о чтении.

— И вы поверите?

— Нет. Запишу то, что могу подтвердить.

Алевтина взяла конверт и положила поверх книги учёта.

— Тогда я прочту дома с Борисом. Если там касается его, он должен быть рядом.

— Адресовано вам, — заметила Лиза.

— Именно поэтому решать мне.

Ирина отложила карандаш. До этой минуты опись была способом не потерять следы. Теперь она становилась договором, хотя никто не поручал Ирине составлять договоры для посёлка.

— Нам нужно отделить письмо от поступка, — сказала она. — Конверт и содержание принадлежат адресату. Если внутри сказано, куда ехать, с кем жить или чего бояться, адресат не обязан это пересказывать. Но если из-за письма он перекрывает дорогу, останавливает котёл или снимает другого человека с рейса, действие становится общим.

Лиза скрестила руки.

— То есть можно заставить меня уехать и не говорить почему?

— Нельзя заставить тебя уехать вообще.

— Можно было бы, если бы в письме это было написано матери.

— Поэтому я и говорю: чужой выбор нельзя выдавать за своё личное содержание.

Георгий сел напротив Ирины.

— Давай без слов, которые каждый поймёт по-своему. Если письмо говорит: «Не выходи завтра из дома», это личное?

— Да.

— А если человек дежурит на котельной?

— Тогда отсутствие касается других, и он обязан сообщить об отсутствии. Не обязательно о письме.

— Тогда никто не узнает, почему ему нельзя доверять смену.

— Причина не всегда даёт право командовать человеком.

— А если письмо сообщает о трещине в дымоходе?

— Сообщение об опасности надо проверить и передать тому, кто отвечает за дымоход.

Само письмо можно не показывать.

Алевтина раскрыла свою книгу с конца, где оставались чистые страницы.

— В библиотеке правило проще: читатель имеет право не говорить, что он читает. Но если рвёт книгу, это уже не его личное чтение.

— Письмо не библиотечная книга, — сказал Георгий.

— Поэтому его даже возвращать не надо.

Она написала сверху: «Порядок обращения с личными письмами неизвестного происхождения». Ирина поморщилась.

— Мы не учреждение.

— Тем лучше. Учреждение назвало бы это временной инструкцией и поставило три печати.

— Руднев её не признает.

— А адресаты признают?

Никто не ответил. Семь конвертов ещё не были вручены, а трое людей уже решали, что смогут требовать от тех, чьи имена написаны на бумаге.

Лиза придвинула книгу к себе.

— Первый пункт: никто не обязан читать.

— Почту обязаны вручить, — сказал Георгий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.